

СТРАЖЕР

Светлана Кузнецова

[НОВАЯ ЗОНА]
ПРИНЦИП
ДОБРОВОЛЬНОСТИ

Апокалипсис-СТ

Светлана Кузнецова

**Новая Зона. Принцип
добровольности**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузнецова С. А.

Новая Зона. Принцип добровольности / С. А. Кузнецова —
«АСТ», 2018 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-109728-8

Благодаря договору, заключенному с эмиониками, ИИЗ далеко продвинулась в области исследования аномалий, однако Москва подбрасывает новые сюрпризы. Происходит неожиданное локальное расширение Зоны на восток, которое с огромным трудом удастся подавить объединенными силами людей и эмиоников, и ее угнетение на западе. В периметре возникают «островки» незараженной территории. ИИЗ совместно с ЦАЯ, а также сталкерами Вороном и Денисом пытаются понять их природу и постепенно приходят к выводу, что виной всему не естественные процессы, а чья-то злая воля.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109728-8

© Кузнецова С. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Светлана Кузнецова
Новая Зона
Принцип добровольности

Серия «Сталкер» основана в 2012 году

© С. Кузнецова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Часть I

Глава 1

– При!.. – остаток слова-приказа Денис дослушивал, уже лежа на асфальте и прикрывая голову руками, – ...гнись...

Можно хоть на руках стоять, распинаясь на тему недопустимости длинных слов в Периметре, хоть на макушке джигу отплясывать, но в экстренных ситуациях все знания испарялись из голов научных работников, которым, к слову, положено воспринимать любую информацию с легкостью и ошибок не допускать. И пусть большая часть из них ходила в Москву не в первый раз, дела это не меняло. С абсолютными новичками Денису даже проще работалось: те не считали себя крутыми сталкерами и слушались беспрекословно.

Над ним пронеслось нечто увесистое, шмякнулось о жестяной мусорный бак и заскрежестало по асфальту. Денис скосил взгляд в ту сторону и обнаружил штангу – самую настоящую, какие тягают в спортзалах – новенькую, блестящую, и не скажешь, что в Зоне пробыла долгое время.

– Эй, проводник, ты там случаем не замерз? – Замечание принадлежало не научному сотруднику, а одному из вольных сталкеров, в разборку которых с семейством сердяков Денис влез.

Заклучение с эмиониками своеобразного пакта о ненападении привело к огромному научному прогрессу в плане изучения московских аномалий, но при этом влило второе дыхание в сталкеров всех мастей. Разные кланы-группы-одиночки вылупились, как комары на болоте. Такого наплыва людей Зона не знала и в первые дни своего существования: когда в ней орудовали мародерские банды, а правительство объявляло, что безобразие ненадолго и чрезвычайные службы все уладят в кратчайшие сроки.

Власти продолжали курс на затягивание гаек и пытались ограничить приток ненаучного народа в Периметр, да только без толку: любой заинтересованный знал, как обойти бюрократические препоны. А кроме того, на большую часть лезущего в Москву народа правоохранительные органы не могли воздействовать ничем серьезнее штрафа: если раньше из Зоны тащили артефакты, еще как-то подходившие под незаконный промысел, то теперь лезли на мутантов посмотреть и себя испытать.

«Идиотизм! – ругался Шувалов. – Этак они скоро зоновым туризмом займутся».

И оказался недалек от истины.

Когда при выводе из Москвы научной группы Денис увидел трех человек в ярко-салатовых комбинезонах, то сначала решил, будто не заметил и вляпался в «иллюз» (случалось у него промаргивать эту аномалию, отслеживая много более неприятные и опасные), а теперь наблюдал крайне безумную галлюцинацию. Однако разве бывают одинаковые видения у всех присутствующих?

«Вольные, – сказал тогда Илья Тополев, младший научник, ходящий с Денисом, наверное, уже десятый раз. – Нежилыцы».

«Минут через двадцать задавят и подьедят, а пока развлекаются», – фыркнул Максим Верин (тоже из «старичков»), щурясь и разглядывая диспозицию.

Остальные предпочли промолчать. Никто про помощь даже не заикнулся: Зона дисциплинировала и очень быстро отшибала у нормального человека гуманизм вкупе с любовью к героизму. Ненормальные же либо гибли в числе первых, либо становились притчей во языцех: как Ворон или сам Денис. Впрочем, он тоже пока ничего не говорил, предпочитая вначале осмотреться. Вольные находились в весьма затруднительном положении, умудрившись что-то не поделить с сердяками – чем-то напоминающими огромных кабанов тварями, агрессивными и мстительными (пусть биологи и выступали против очеловечивания животных инстинктов и тем паче зоновых мутантов, но лучше всего подходило именно это слово).

«Не повезло ребятам, – все же посочувствовал им Тополев, – налетели бы на черных быкунов или гиен, ушли бы, а с этими... все. Кирдык».

«В углу заплачет мать-старушка, смахнет слезу старик-отец, и молодая не узнает, каков у парня был конец, – промурлыкал, жутко переврав мотив, Верин и усмехнулся: – Кстати, господа, а вы не замечали пошлый подтекст данной строчки? Или только у меня мозги в одну сторону повернуты?»

«Только у тебя», – буркнул Коробов, специалист по сбору данных, человек спокойный и обычно не склонный болтать попусту.

«Значит, я настоящий мужик!» – хохотнул Верин.

Денис не прерывал разговоров, считая бессмысленную болтовню неплохим антистрессовым действием. Что же касалось мутантов, то по слуху они не ориентировались, да и не интересовала сердяков научная группа, пока стояла в отдалении, наблюдая и не вмешиваясь.

«Ага, – подтвердил Тополев. – Все мысли возле определенной части тела. – И все же обратился к Денису: – Я могу узнать ваши намерения, Дэн?»

Сердяки не терпели ни малейшей агрессии по отношению к своим семействам. Были известны случаи, когда за один-единственный выстрел в их направлении мутанты начинали охоту.

«Твари мощные, но не двужилые, автоматной очередью их вполне удастся свалить», – заметил Верин.

«Каждого сердяка по отдельности, – отозвался Коробов. – Мы наблюдаем четыре особи, но наверняка хотя бы еще одна тварь шляется поблизости. А патронов у нас не так много».

«Всех не завалим, Дэн, – продолжал незауалированно намекать на невозможность вмешательства Тополев. – А уйдет хоть один мутант, жизни нам не даст».

«КПП близко», – обронил Денис.

«Только ты ведь сам рассказывал: они никогда не пойдут напролом, станут подкрадываться, используя любые возможные укрытия, и, лишь основательно сократив дистанцию, атакуют быстро и слаженно, как касатки или волчья стая, – настаивал Тополев. – А у нас на руках куча данных, образцов, да и головы поценнее, чем у этих отморозков».

Денис давно уяснил сам и посоветовал всем, кому мог, не иметь с сердяками дела, тем более первыми они не нападали. Да только вольным разведчиком кто-либо указ?

Сердяков еще называли серыми быкунами. Не столько из-за внешней схожести, сколько по причине склонности держаться вблизи черных. Они только в метро не спускались. Еще сердяки воспринимали быкунов то ли родичами, то ли еще кем: если черного быкуна завалить на глазах серого, эффект тот же будет – вендетта, причем в восьмидесяти процентах со смертельным исходом.

«И чего полезли, охламоны?» – прошипел Коробов.

«Красивые ж звери, – сказал Верин и пожал плечами. – Сильные, гордые... почти как туры».

Тополев фыркнул.

«Что-то в этом есть, – заметил Коробов. – Туры были мощными животными с мускулистым, стройным телом высотой в холке около ста семидесяти сантиметров и массой до восьмисот килограммов. Высоко посаженную голову венчали длинные острые рога. Окраска у взрослых самцов черная, с узким белым «ремнем» вдоль спины, у самок и молодых животных – рыжевато-бурая».

«Ага-ага, – покивал Тополев и в тон ему продолжил: – Глаза узкие, ушей нет либо они находятся вне головы, вместо них – закрученные, как у барана, рожки. Да еще и со свиньячьими... пардон, для эстетов неприемлемыми рылами. Тур, совершенный! Я даже не сомневаюсь».

«Ну, я пошел, – вздохнул Денис. – Агрессивных аномалий поблизости нет, отдыхайте и не разбредайтесь».

«Шаг влево-вправо считается побегом? – уточнил Верин. – А расстрел будет?»

«Хуже. Вытаскивать из «иллюза» не захочу», – ответил Денис.

«Так его ж здесь нет! – усмехнулся Верин, затем глянул на сканер, покрутил колесико настройки и вздохнул. – То бишь есть... электроника глючит, чтоб ее. Прошу прощения, сталкер».

Денис коротко рассмеялся.

Конечно, мутантам неизвестны основы тактики и стратегии, но вот загнать людей на площадку с мусорными баками, расположенную позади пустой автомобильной стоянки, и закрыть единственный путь к отступлению у них получилось отлично. Ловушка захлопнулась. Непосредственно за площадкой асфальт обрывался нереалистично изумрудным газончиком с фиолетовыми, оранжево-желтыми и ярко-синими цветами, за которым чего только не скрывалось.

Неудивительно, что у научных аппаратуру глючило, даже Дениса чутье подводило из-за многообразия встречающихся там аномалий. Пока шел, насчитал штук десять «соловьев», три «шутихи», не считая стайки «голубей». Под каждым кустом перемигивались огнями новогодней китайской гирлянды «болотные огоньки». Сканеры вольных наверняка чувствительностью не отличались и, как говаривал Верин, на чехлы не годились иизовским. Да и базы данных-распознавания у них не блистали. Наверняка вместо нескольких областей, подсвеченных разным колером (чем краснее, тем опаснее), по экранам расплывалась обширная малинового цвета клякса с расшифровкой «Опасно для жизни».

Метрах в восьми справа стелилась полутораметровой ширины асфальтовая дорожка, ведущая к расположенным в отдалении малоэтажным зданиям. Вот только чтобы добраться до нее, вольным все равно пришлось бы ступить на газон и пройти практически по краю шикарного «огненного круга». В середине него Денис разглядел пару «огневушек» (артефакт не считался очень уж редким, сгодился бы разве на сувениры) и с облегчением перевел дух: вольные то ли не заметили артефакты, то ли не прельстились ими.

Итак, на травку вольные нипочем не сунулись бы, а на асфальте ждали сердяки: то застывающие статуями с низко опущенными мордами и раздувающимися ноздрями на рылах, то приближающиеся на несколько шагов и тотчас пятящиеся обратно, то просто топающие и встряхивающие головами. Вряд ли мутанты знали такую науку, как психология, но давить на нервы людям им это нисколько не мешало. К счастью для самих себя, вольные не запаниковали, иначе давно погибли бы. А еще сердяки «развлекались», швыряя в центр площадки разнокалиберные предметы. Убивать не спешили, хотя, судя по отсутствию выстрелов, вольные израсходовали весь боекомплект.

«Пройти мимо и не помочь – себя не уважать», – заметил Денис, решивший бедолаг вытащить.

«Кто ж такой умный тебе эту глупость в голову вбил?» – вздохнул Коробов.

Он прекрасно знал ответ, но Денис все равно его произнес:

«Ворон».

«Ну конечно! А если мы все здесь гробнемся, тоже Ворон виноват будет?»

«Вряд ли».

То, что зря полез, Денис понял, подробнее разглядев оружие вольных.

«Не просто так пришли: хотели сафари устроить, – озвучил его мысли Верин. – Одним словом, уроды».

«В Москве подобным как медом намазано, только вначале они мародерствовали по большому счету. Сейчас народу слишком много, за куш особо не поубиваешь, да и по негласному зоновому закону, начавшему действовать несколько месяцев назад, за выстрел в человека полагается смерть (и не факт, что только в Периметре), не так ли, сталкер?» – поинтересовался Коробов.

«Не мешай», – Денис мог бы многое сказать относительно наивности некоторых научных сотрудников, но дело требовало сосредоточенности.

«Вот они и переквалифицировались, – продолжил вещать Коробов так, словно получил подтверждение своим словам. – Повесить на стену мутантскую морду не выйдет – разложится, только ядовитая гадость и останется, – а вот убить тварь и на камеру это действие снять желающих хоть отбавляй».

Вот это действительно практиковалось, пусть на КПП и изымали подобного рода материалы, если находили. Денису новый бизнес не нравился хотя бы потому, что Зона – не развлечение и в человеческие рамки не вписывается. Черт побери, никто так и не докопался до того, что это вообще такое и так ли неправы темные сталкеры, считая Ее живой. А тут – сафари с ролевыми играми полным ходом и попытка встроить аномалии в человеческую жизнь, отгородиться от смертей и явной враждебности среды галочкой под договором и пунктом «с опасностью ознакомлен, ответственность за возможные последствия беру на себя, от любых претензий отказываюсь».

В рядах правозащитников уже объявилась организация, назвавшая мутантов «ни в чем не повинными животными, пострадавшими по вине преступной антропогенной халатности», и требующая придать московской Зоне статус национального парка. Дошло до того, что в Думу чуть не протасили закон о жестоком обращении с мутантами, а некто от экологов при поддержке какой-то иностранной организации потребовал внести сердяков, черных быкунов и гиен в Красную книгу в качестве редких видов.

Мир медленно, но верно сходил с ума. Впрочем, для него это было нормальное состояние, как утверждал Шувалов, а глава ИИЗ долго прожил на свете и наверняка знал, о чем говорил. По мнению же Ворона, правозащитники тоже являлись уродами, только иного полюса направленности, чем «тур-поставщики», и единственное, чего могли быть удостоены: помещения в центр бывшей столицы (на территорию Московского Кремля, например). Сумеют вернуться – пусть чешут языками и дальше, если решимости хватит (фанатиков Ворон не любил, но уважал за упорство в заблуждениях), нет – туда и дорога.

Глава 2

– Эй, командир! – донеслось от вольных.

– Я же замерз, – напомнил Денис. – Чего надо?

– Совсем туфта, да? Ну, сам виноват, за уши никто не тянул, – тотчас донеслось в ответ. Интонации звучали слегка сочувственно, потому Денис и подавил желание плюнуть и уйти – хоть по газону, хоть к сердякам, – предоставив вольных в полное распоряжение судьбы.

– Кто вас вел? – спросил он. Как-то не верилось, будто эти клоуны проникли в Периметр сами.

– Того уж нет, – ответил другой вольный без особого сожаления в голосе.

Что ж, это частично объясняло их глупость: не все проводники стремились объяснять опасности заранее, а «тур-бизнесмены» еще и умалчивали о многом, не желая отпугивать клиентов.

– Слушай... а если попробовать прорваться?.. – спросил третий.

– Тихо! – приказал Денис, и вольные тотчас умолкли.

В центр площадки сердяки пропустили его легко. Денису даже не пришлось сосредоточиваться особо. В среде мутантов существовала своеобразная иерархия, по которой сердяк всегда уступал дорогу черному быкуну. Быкун – гиене. Гиена – сирене. И все они не трогали эмиоников, к числу которых после заключения договора в Периметре автоматически причислялся и Денис.

Сейчас забавно вспомнить, как он загонялся по поводу собственной инаковости, однако жизнь бок о бок с демонстратором способна излечить от комплекса неполноценности практически любого. Ворон гордился тем, что мог весьма условно зваться человеком. Если Денис являлся наполовину эмионом, то кем оказался Ворон в результате проведенного над ним эксперимента Сестринского, понять не выходило даже у него самого.

Из зоновой иерархии выпадали лишь крысы-мутанты, но они были существами, созданными искусственно, причем с неявными целями. Нечаев склонялся к мнению, по которому профессор Сестринский сделал из них универсальных помощников-защитников, стоящих на гораздо более высокой ступени развития интеллекта, чем собаки. Шувалов его оптимизм не разделял и втайне лелеял мечту познакомиться с неуловимым бессмертным профессором поближе.

Проблемы начались, когда Денис повел вольных с площадки: сердяки начали высказывать недовольство, затем имитировали атаку, когда расстояние меж ними и людьми достигло пяти шагов. Пришлось отступить и спешно искать выход, попутно злясь: чертовы охотнички умудрились настолько сильно разъярить мутантов, что даже эмионские уловки не действовали. Дениса одного все еще могли бы пропустить, но бросать людей в Зоне он не привык и не собирался. С тех пор он находился на той же площадке пусть и в отдалении от группы и подвергался «обстрелу» крупно- и мелкокалиберными предметами.

– Все, проводник? Думал, крутой, да? – фыкнул вольный. – Запал кончился?

Денис вытащил из кармана гайку и кинул на звук, почти не целясь. Судя по раздавшемуся ойканью и шипению – попал.

– Значит, так, придурки, – сказал он тоном, не терпящим пререканий, – сейчас оставляете все оружие, снимаете с себя выкидыши текстильной промышленности...

– Но... – попытались с ним спорить, – последняя коллекция же.

Денис фыкнул. Он полагал, что если ему и станут возражать, то лишь по поводу оружия. «TAR-21» или «Тавор», по праву считавшуюся штурмовой винтовкой двадцать первого века, бросать было жаль даже ему, не испытывавшему особого пиетета перед стрелковым оружием.

«Хорошо, не «STAR-21», мне же голову оторвут, если в оружейной скажу, что именно в Зоне бросил», – подумал Денис. В ИИЗ работали в основном люди, упертые в науку, но на складах сидели такие любители всего стреляющего, взрывающегося и убивающего, что даже сталкерам иной раз становилось не по себе. О любой несущей смерть штуке они могли говорить часами, если не днями, и, разумеется, терять после очередной такой лекции оружие в Зоне становилось совестно.

– Это не обсуждается, – прошипел Денис. Не хватало ему еще пререканий из-за тряпок! – Забыли, как я к вам прошел? Уверяю, если буду один, то точно так же смогу и выйти. Есть возражения?

– Нет, – хором ответили вольные.

– То есть я могу быть свободен?

– То есть мы уже раздеваемся.

– Хорошо. Когда будете готовы, прете к моей группе на полной даруемой вам природой скорости, – продолжил Денис, игнорируя вздохи любителя моды и жутких расцветок. – Но только по моей команде, ясно?

– Это мне что же, в трусах по Зоне... – проблеял один из вольных, но на него зашикали товарищи, и отвечать Денису не пришлось.

Штанга тем временем подкатилась к нему почти вплотную: если руку протянуть, то можно дотронуться. Вот только прикоснуться к ней не тянуло совершенно, при одной мысли об этом волосы по всему телу вставали дыбом, а предчувствиям своим Денис привык доверять.

– Нет... ну как же, а... – теперь не унимался уже другой охотник.

Денису аж интересно стало, чего тот распереживался, глянул мельком и фыркнул, сдерживая совершенно неуместный сейчас смех. С вольных удалось бы написать неплохую картину, а вернее, создать плакат и развесить в качестве антирекламы по городам Подмосковья с надписью вроде: «Не зная, не суйся». Он даже подумал, а не подкинуть ли эту мысль Шувалову или Ворону.

Первый вольный был лыс (причем абсолютно, даже на груди, ногах и в подмышечных впадинах), пузат не в меру и в семейниках какого-то жуткого грязно-розового цвета в сиреневую и оранжевую крапинку. Второй оказался более приличного вида: довольно накачанный, смуглый и в нижнем белье, вполне сошедшем бы за гавайские шорты длиной до колен. Крупные желтые и красные цветы, отстраненно напоминающие лилии, на темно-синем фоне смотрелись диковато, но приемлемо. А вот на третьем... до сего момента Денис как-то думал, что моде к минимализму подвержены лишь дамы с не слишком хорошим вкусом. Как оказалось, ошибался. И да... если бы он на себя напялил (вдруг, чисто гипотетически) нечто схожее, то тоже комплексовал бы. Светловолосый мужик с квадратной физиономией, к которой так и хотелось ввинтить прозвание англосаксонской, и довольно спортивный с виду стоял с каменным выражением лица и смотрел прямо перед собой, вперившись в одну точку.

– Не застуди, – прокомментировал Верин, и Денис, рассмеявшись, все же решил не отвлекаться от дела: Зона подобного не прощала, к тому же ей были совершенно безразличны и курьезная ситуация, и мода.

Научные данные в общий доступ не поступали, но не первый год ходящие по Москве сталкеры подмечали некоторые особенности поведения мутантов, а Денис не просто так водил в Зону именно научные группы. При постоянном общении с академиками да профессорами, конечно, бакалавром не стать, но кое-какие знания в голове откладывались.

Сердяки ориентировались в основном благодаря обонянию. Зрение у них не отличалось остротой, скорее, они замечали общий вид и цвета, а потому вещи, оставленные на площадке, восприняли как людей и вряд ли соотносили их с голыми недоразумениями, стоящими там же. Мутанты подергивали пяточками, втягивая в себя воздух, и словно бы щурились, приплясывая на месте.

«Вот когда пожалеешь об отсутствии ветра, – подумал Денис. – Их бы сейчас отвлечь хоть на секунду...»

– Эй... командир...

Денис цыкнул зубом и поморщился.

«Стоп! – одернул он сам себя. – А штангу они где откопали?»

Он пошарил взглядом и почти сразу наткнулся на распахнутое окно на втором этаже здания, бывшего когда-то не то офисом местной администрации, не то магазином или вообще рестораном. В пользу последнего говорили кокетливые фиалковые занавесочки с рюшами на окнах первого этажа. Из окна высывалась сердячья морда. В пасти она сжимала гантель... Розовую! Площадку до здания разделяло расстояние шагов в тридцать-пятьдесят, к нему вела та самая асфальтовая дорожка.

Розовая гантель выскользнула из клыков, упала на газон и, подсакивая, покатила в сторону Дениса. Создалось впечатление, будто сила трения на нее не действовала: скорость была невелика, но замедляться или останавливаться она не собиралась. Так и подкатилась и громынула о ближайший бак. Мутант скрылся и практически тотчас снова возник в окне с сестрой-близнецом первой гантели. Кажется, процесс швыряния спортивного инвентаря из окна доставлял твари особое удовольствие.

– Вот ведь... зараза... – прошипел Денис.

– Что?! – всполошились вольные.

– Ничего. Розовый цвет ненавижу сколько себя помню, – ответил Денис. Он вытащил пистолет, но целиться в мутантов не стал. Направил ствол в сторону штанги, утопил курок и откатился в сторону – на всякий случай подальше.

На выстрел твари не среагировали, недаром в ученой среде бытовала теория о поголовной глухоте обитателей Зоны. Пуля чиркнула по металлу, и над штангой образовалось сизое облачко, а в нем самые настоящие молнии: серебристые, золотые, бирюзовые... какого-то оттенка, названия которому Денис не знал.

– Ох ничего ж себе. Не распознал... – прошептал он и громко, дабы дошло и до идиотов, заорал: – GO!

Не то чтобы он знал или любил английский (даже не пытался выучить, хотя Ворон, изъясняющийся на нем свободно, предлагал свои услуги в качестве репетитора), но некоторые слова звучали так, словно специально создавались для Зоны. Короткий приказ из двух букв – это вам не бе-ги-те или впе-ред.

Вольные вострепнулись, даже на месте подпрыгнули и действительно показали очень неплохое время. Притормозили, только проходя мимо поглощенных зрелищем мутантов.

– Ходу! – прикрикнул на них Денис. – Ждете, пока очнутся?

Научники не подвели и вольных сначала обсмеяли, а затем и повязали: самыми обычными веревками, которые каждый носил в стандартном комплекте в рюкзаке (места те много не занимали, а вещь являлась полезной и спасшей не один десяток жизней).

– Чтоб и мысли сбежать не появилось, – сказал Верин, проверяя узел.

– Я самоубийца, по-вашему? – уточнил «гавайец», но ответ Денис уже не слушал. Ему еще предстояло выбраться самому.

Сердяки смотрели на представление неотрывно, вывалив языки и разве лишь не похрюкивая от удовольствия. Денис давно убедился, что уйти от них можно, только откупившись каким-нибудь шоу, даже шутиху с собой таскал на всякий случай. Однако зачем фейерверк, если в Зоне свой имеется? Денис в жизни подобной аномалии не видел, а ее проявление при взаимодействии с металлом предположил, но это уже не имело никакого значения. Дело осталось за малым: вернуться к своим, после чего наконец дойти до КПП и сдать вольных с рук на руки охране – пусть разбираются, кто, откуда и с какого перепою полезли в охраняемый Периметр.

Последнего сердяка «цветомузыка» не зацепила, а вот сам Денис очень заинтересовал. Однако мутанту требовалось еще выбраться из здания, потому о нем пока можно было не волноваться.

Денис никак не ожидал, что сердяк поставит копытца на подоконник, намереваясь спрыгнуть.

«Интересно, асфальт проломит или нет?» – подумал он, разворачиваясь и ускоряя шаг.

Мутантов удалось миновать без эксцессов, лишь последний, самый маленький и по виду молодой сердяк дернул головой и попытался обернуться. Поддавшись наитию, Денис положил руку на толстенную шею и вздрогнул. От мутанта шел жар. Температура его тела намного превышала критические сорок два градуса.

«Вроде как кровь должна свернуться, а мозг повредиться? Или это только у людей?.. – подумал Денис, заставил себя оторвать руку от горячей кожи и продолжить движение. – К биологам с этим вопросом. Сейчас главное – выйти».

Грохот и последующий за ним треск вкупе с раздражающим скрипом прозвучал словно выстрел.

«Все же проломил», – подумал Денис, ускоряясь и с досадой думая, что стрелять или кидать гранату в мутанта не следует (иначе озлобится все семейство), а убежать ему попросту не удастся. Несколько секунд – и все. Сердяк настигнет и хорошо, если просто толкнет рылом – в этом случае он пролетит по воздуху около пяти метров, но жив останется, отделавшись синяками и ссадинами, – однако может и затоптать, и клыками изодрать.

Кто-то что-то выкрикнул, но Денис не понял. У него имелся один-единственный шанс выбраться – воспользоваться той силой, которая жила с ним с тех пор, как он осознал самого себя, а Ворон вывел его, тринадцатилетнего пацана, из Москвы. Полуэмионик, недочеловек, чужой, зонный выкидыш – чего Денис только не выслушивал в клане «Доверие», где рос. Потому и старался лишний раз не вспоминать, не пользоваться, не выказывать дремлющие в нем силы сверх положенных на откуп клану. Последствия этого он расхлебывал до сих пор: влиять на различные проявления Зоны получалось далеко не всегда.

Денис мысленно пытался увидеть себя словно со стороны. Время замедлилось, как всегда в случае опасности: секунды длились минутами, сами минуты растягивались в часы. Сердце набатом било в груди и никак не помогало сосредоточиться. Наконец сознание словно уплыло. Денис прикрыл глаза и...

Голова кружилась. Он одновременно бежал и наблюдал за собой, даже, пожалуй, потешался: ну куда двуногому соревноваться в быстроте с эдакой мощью? Мутанту пришлось задержаться, вытаскивая заднюю ногу, застрявшую в проломленном асфальте, но теперь он несли к Денису огромными прыжками, перемещаясь совсем не по-кабаны: опустив голову между широко расположенных передних ног,двигающихся синхронно. Многотонная туша зависала над землей на несколько секунд, как в галопе.

Страх не было. Совсем. Но вот досматривать представление до конца и наблюдать, как проткнут клыки слабое человеческое тело, не имелось ни малейшего желания. Денис попытался не допустить соприкосновения, воплотить в жизнь древнее высказывание о том, что Ахиллес никогда не догонит черепаху. Черепахой являлся он: слабый, медлительный и невероятно беззащитный. Ахиллесом – настигающий сердяк.

Миг не происходило ничего. Понадобилась вся сила воли, чтобы не поддаться отчаянию. Он закусил губу и удвоил усилия, воззвать к своей второй сути оказалось много сложнее, чем обычно, однако в конце концов бесцветный и неосязаемый воздух между жертвой и охотником будто бы уплотнился. Денис даже видел радужную пленку, отделявшую его от сердяка. Когда та застыла хрустальной стеной, Денис постарался «перекрыть» мутанту обоняние, и возможно, он себя успокаивал, но сердяк замедлился и даже вскинул голову и завертел ею, будто потерял преследуемого.

А затем Денис вскрикнул. Боли не было, как и любых иных ощущений. Произошедшее не могло сравниться с ними. На него словно обрушилось само небо. Все закружилось и завертелось в бешеном вихре. В ладони, которые он машинально выставил перед собой, ткнулся асфальт и спружинил. Денис подскочил, как на батуте, рухнул навзничь, но жесткое дорожное покрытие приняло его очень мягко и упруго: так, словно он упал на постель с высоты от силы в четверть метра.

В ушах зазвенело, он распахнул глаза и тотчас зажмурил. Мысль о том, что он наконец доигрался – навывдумывал себе невесть чего и оказался сбит добравшейся до него реальностью в виде сердячьго рыла, – вспыхнула и потухла. Вовсе не многотонная туша настигла его, а солнце! Самое настоящее, какого не бывает в вечно купающейся в облаках Зоне. И квадрат синего умытого небосвода, возникший возле дневного светила, выбивал из колеи в разы сильнее попадания в «иллюз».

Этого не могло быть просто потому, что не должно было произойти никогда. Денис вскочил на одном лишь адреналине и тотчас же снова рухнул: ноги отказались держать и подкосились. Развеелась концентрация, голову словно обернули тканью в несколько слоев. Впрочем, это как раз воспринялось привычно: вне Зоны все способности Дениса снижались, окружающее будто обесцвечивалось и искажалось. Вот только обычное пространство в Периметре – как такое возможно?

– Твою канемедь! – смешно выругался Верин, а Тополев брякнул такое, чего и в настоящей, немосковской, зоне услышишь нечасто. По сути, Денис с ним даже согласился: черт-те что творится!

– ДЭН!!!

Все, на что его хватило, – приподняться на локте и отрешенно смотреть, как пытается затормозить сердяк. И страшно: раздавит же. И умора, какой поискать. Больно забавно мутант выглядел с растопыренными ногами и задницей, скребущей по асфальту, выпученными глазами да разинутой, словно в немом крике ужаса, пастью с растопыренными клыками (до сего момента Денис и не думал, будто мутанты способны ими шевелить).

За сердяком осталась черная полоса – так, словно асфальт обожгло или разъело, – и не только она. Денис скривился и закрыл рукавом нос: мутант действительно испугался. Надо отдать ему должное, затормозил почти вплотную к границе солнечного света. Так и сидел на заднице, глазами хлопал, и пусть тварей, как и животных, очеловечивать нельзя, морда у него выглядела ошалевшей вконец.

– Бу... – сказал ему Денис. Воняло так, что глаза слезились, при этом хотелось смеяться и почему-то мотать головой. Кажется, у него начиналась самая натуральная истерика, мешавшаяся с невесть откуда взявшейся эйфорией. Тело по-прежнему почти не слушалось.

Мутант подскочил из положения сидя – метра на полтора, если не больше, – из прыжка опустился прямо на ноги, да как дал деру... только поросычьего визга и не хватало.

– Эй, командир?... – позвал вольный. Денис лениво повернул голову на звук. Интересующийся оказался охотничком в мини-бикини (или стрингах, Денис понятия не имел, как две полоски ткани, прикрывающие лишь самое дорогое, назывались в около модельерских, гламурных и черт их разберет каких еще кругах).

– Тамбовский волк тебе... – гыгыкнул Верин.

Он тоже хмурился, видимо, вид у Дениса был тот еще: дезориентированный как минимум. Губы растягивала глупейшая улыбка, которую никак не удавалось согнать. Тепло впиталось под кожу, побуждая к медлительной лени, и почему-то зудели подушечки пальцев не только на руках, но и на ногах.

– Дэн... – позвал Верин.

– Чего тебе, Макс? – поинтересовался тот.

– Это... – Научник переступил с ноги на ногу и выдал: – Ты живым хоть останешься?

Денис не удержался и захохотал.

– Идиотская ситуация какая-то, – почему-то смущенно проговорил Верин. – Лежит человек в Зоне, пузо и все остальные части тела жарит на солнышке. А вдруг оно радиоактивное?

– Солнышко-то? – фыркнул Денис.

– Излучение! – рявкнул Верин, явно разозлившись.

Это привело Дениса в себя много лучше ведра ледяной воды, опрокинутого за шиворот в знойный полдень. Он не помнил, чтобы Максим Верин проявлял негативные эмоции. По крайней мере в Зоне подобного не случалось ни разу. Научник мог балагурить, пошлить, шутить на грани черного юмора, но из себя не выходил. К тому же Денис понимал все отчетливее: с ним действительно происходило неладное, и чувствовал он себя совершенно неадекватно.

– Это уж вы мне скажите, господа научники, – посерьезнев, предложил он и, глянув на свой сканер, добавил: – На моем счетчике Гейгера много ниже нормы.

– Подтверждаю, – обронил Тополев.

Коробов сделал шаг по направлению к Денису, но Верин вовремя ухватил его за плечо.

– А позвольте к вам, Дэн? – попросился Коробов.

– А не позволю, – усмехнулся Денис. – Лучше скажите: чудится мне небо или нет?

Он с облегчением услышал бы отрицание. Подобный ответ означал бы наличие «иллюза» или любой другой аномалии, влияющей на психику, возможно, пока неизвестной и никем не изученной. Вполне вероятно, аномалии крайне опасной, раз столь погано действовала даже на него. Все равно лучше уж она, чем то, чего попросту не может быть, поскольку ненаучно от слова «совсем».

Все его нутро – то самое, которое срослось с Зоной, – возмущалось и яростно протестовало против неожиданного выхода из Периметра. На небольшом участке от силы в десять квадратных метров не находилось не только маленькой безобидной аномалии, но и вообще никакой.

Тополев что-то спросил у Коробова, но тихо, не разобрать.

– Абсолютно обычное, здоровое пространство с известными всем и каждому законами физики – дыра в аномалии, – заметил тот и добавил: – Ну и ну.

– И бунтующее душевное равновесие – то ли под влиянием этого факта, то ли само по себе, – прошептал Денис.

– Вы что-то сказали, сталкер?

– Ничего. Я так и не получил ответа на свой вопрос! – поторопил он.

– Да есть там небо, – за всех ответил вольный. – Не истери.

«Тебя бы сюда...» – подумал Денис, но промолчал.

– Подтверждаю, – вздохнул Тополев.

– Ага, – кивнул Верин.

– Отлично, – сказал Денис, хотя ничего хорошего в том не видел. – Значит, я все же пока умом не тронулся.

– Эм... – Коробов снова сверился с прибором. – Юноша, возвратились бы вы к нам от греха подальше, а?..

На кого-кого, а на юношу Денис, к своему немалому облегчению и гордости, больше не походил: все же двадцать шесть скоро. Ростом не вышел и телосложение богатырским не назовешь, так ничего не поделаешь: лучше питаться следовало, а не в Зоне рыскать, а потом на сухпайках в клане сидеть. Оправдывало Дениса лишь то, что в Москве он жил скорее всего не по собственной воле, просто потерялся во время эвакуации, а затем тронулся умом, как и остальные «дети Зоны». После пакта Денис все же наступил на горло гордости и попытался выяснить, что именно помнят сами эмионики и можно ли восстановить потерянную память хотя бы частично. Оказалось, у всех провалы, и даже снов о том времени нет: словно прошлое – запись на старинной магнитофонной пленке, и ее даже не стерли, а вырезали ножницами.

– Пожалуй, вы правы.

Сказать просто, а вот подняться оказалось невообразимо тяжело, и в результате Денис снова шмякнулся на асфальт. Верин дернулся было в его сторону. Тополев сцапал его за шиворот и даже встряхнул для остротки.

– Умница, – похвалил того Денис. – Там и стойте, я... сейчас присоединюсь к вам, и пойдем дальше.

– Ноги отказали?

– Я чувствую их, но подняться не выходит, – ответил Денис. – Впрочем, слабость отступает, возможно, полчаса повалюсь, и...

– Потом к Зоне привыкать придется, – закончил за него Коробов.

– Не исключаю. Веревка у кого осталась?

Верин кивнул, поняв его мысль верно, и полез в рюкзак.

– Мне обвязаться и к тебе?

Денис красноречиво постучал себя по виску и велел:

– Конец кинь.

– Не долетит.

– К гайке привяжи – долетит как миленький, – посоветовал Тополев. Помнится, когда еще в самый первый раз шли в Зону, именно он сильно возмущался по поводу «всякого ненужного металлолома» и «лишней тяжести». Гайки в Зоне вещь незаменимая, если нужно дорогу проверить, да и для всяких неожиданных нужд, как и веревка, трос или что-нибудь в этом роде. Особенно ценны гайки больших диаметров и увесистые, от КамАЗов, правда, тащить подобные действительно тяжеловато.

– Лови!

Денис едва удержал на месте дернувшуюся машинально руку: в Периметре ловить что-либо на лету явно не стоило. Гайка, пролетая за границу, отделяющую Зону от беззонового пространства, дважды полыхнула синим: при первом касании до невидимого поля и уже ударившись об асфальт. Верин присвистнул.

– Дэн, осторожнее! Вдруг раскаленная.

– Была б горячеей, трос уже тлел бы, – заметил Коробов.

– Холодная, – бросил Денис. – Все в норме.

Он наскоро обвязался и приказал:

– Тащите.

Наверное, со стороны зрелище выглядело забавно, однако его участникам оказалось не до шуток.

Лучше всего для сравнения подходил мыльный или воздушный пузырь. Внутри поля и в Зоне немного отличалось давление. Четверо ученых тащили изо всех сил, Денис тоже не бездействовал, но невидимую преграду оказалось не так уж легко разрушить.

– Наверное, схоже чувствует себя птенец, вылупляющийся из яйца, – простонал он, оказавшись наконец-то в такой понятной, обычной, замечательной во всех отношениях Зоне. – Противошоковое мне вколите у кого под рукой.

Глава 3

Доктор встречал Нечаева на стоянке у ворот. Судя по всему, ждал он давно: серый в сиреневых и голубых разводах зонт, который он держал в руке, успел основательно промокнуть, хотя мерзопакостную изморось, падающую с неба, язык не поворачивался назвать дождем.

На стоянке, кроме машины Нечаева – серенького «БМВ Х3», – стояла бежевого цвета «Газель», потрепанная жизнью, неровностями дорожного покрытия, основательно заляпанная грязью, и темно-синий «Мерседес» с круглыми фарами, принадлежащий какому-то любителю древностей. На капоте автомобиля вместо стилизованного пропеллера красовался вставший на дыбы олень. По всему боку шла алая граффити-надпись: «Вооружен и очень опасен».

За трехметровым забором возвышалось многоэтажное здание главного больничного комплекса из стекла и бетона и чахлые деревца. Ни одной живой души, кроме него и доктора, видно не было, хотя обеденное время и широкая улица к пустынности не располагали.

Нечаев считал себя не последним человеком в этом сложном мире, но не настолько же, чтобы его встречали и ждали с нетерпением совершенно незнакомые люди (за время, которое он добирался сюда, доктор звонил трижды). Он заглушил мотор и вылез на улицу, подняв воротник куртки. Зонта у него не имелось: как и большинство автовладельцев, он не мог оставить убежденность, будто всегда успеет перебежать от подъезда до машины и обратно. Иной раз она вставала боком.

– Добрый день, – поздоровался Нечаев.

– Хорошо, что вы приехали, – сказал доктор.

Хлопнула дверь, пикнула сигнализация. Не иначе как по закону подлости в шаге от пешеходной дорожки разлилась огромная лужа, полностью перекрыв подходы к больничной калитке и к доктору. Обходить ее пришлось бы по узкому бордюру, рискуя навернуться либо в темную воду, скрывающую то ли асфальт, то ли дыру в нем неизвестной глубины, либо наступить в жидкую грязь на так называемом газоне, через которую пробивалась хлипенькая пожухлая травка.

Проблема с координацией у Нечаева имела столько, сколько он себя помнил. Только он мог не выбрать меж двух дорог на развилке и въехать напрямик в ель или «не заметить» внезапно выпрыгнувший перед ним столб. Натыкался на стулья, сшибал дверные косяки и оступался он регулярно. Какое-нибудь обидное прозвище за ним не закрепилось только из-за нелюбимости. В ЦАЯ лишь руками разводили, не понимая, почему его еще терпят в ИИЗ, отличающемся нелюбовью к вышестоящей организации и ее представителям. Нечаеву же в институте действительно нравилось.

В Центре все казалось ему слишком серьезным и каким-то безысходным. Дресс-код, дисциплина, нормы, сроки, тщательное планирование, минимум инициативы. Если бы Нечаев хотел служить в армии, то в нее и пошел бы. Но он желал заниматься наукой, которую мнил сродни творчеству, а не помеси юриспруденции с бухгалтерией и архивом. В ИИЗ чувствовалась именно та атмосфера, которая и представлялась необходимой для достижения результатов и прыганья выше потолка: первичный бульон из идей, предположений, азарта и расчета. За одно участие в мозговых штурмах, устраиваемых на летучках Шуваловым, душу отдать было не жаль.

Руководство ЦАЯ также недоумевало и по поводу Ворона. Нечаев знал о нескольких попытках если не переманить того в Центр, то хотя бы склонить к сотрудничеству. Однако стелкер любой другой государственной организации предпочитал ИИЗ. Перекупить его не выходило, пригрозить возбуждением какого-либо дела от административного до уголовного – тем более.

Любая попытка ограничить его свободу получала ответ, причем зачастую очень жесткий. Об истории ныне благополучно уволенного начальника отдела кадров, загоревшегося блестящей идеей в счет дальнейшего сотрудничества помочь Ворону выиграть суд по обвинению в оставлении человека в опасности (дело раздули из-за Никиты Гранина, добровольно ушедшего в Зону и ставшего неким посредником между эмиониками и людьми), не забудут еще долго. Сталкер, даже не дослушав до конца «взаимовыгодного предложения», спустил на сотрудника Центра своего адвоката, который едва ли не раздул коррупционный скандал.

К Нечаеву же Ворон отнесся приветливо с самого начала и поддерживал приятельские отношения, не подпуская слишком близко, но и не выказывая недоверия. Легендарный сталкер не переносил «друзей с работы» и попыток контроля, однако именно с ним любил побеседовать на посторонние темы и практически сразу перешел на «ты». Начальники в ЦАЯ недоумевали по этому поводу и скорее всего именно потому еще не отозвали Нечаева из ИИЗ.

Вздыхнув поглубже, он поставил ногу на узкий бордюр и сделал первый неуверенный шаг, руки развел в стороны, подобно канатоходцу, выполняющему под куполом цирка опасный трюк. Однако врожденная неуклюжесть обошла его сегодня стороной. Пройтись по бордюру получилось даже с некоторой долей изящества, какой Нечаев от себя не ожидал.

– Генрих Альбертович, – представился доктор и протянул ему руку.

– Нечаев.

– Я сразу узнал вас: с братом вы просто одно лицо.

– Двоюродным, – зачем-то уточнил Нечаев и пожал широкую и неожиданно мозолистую ладонь.

– Да-да, конечно. Пройдемте, – предложил доктор.

Они подошли к неширокой калитке, выкрашенной в белый цвет, как и решетчатые ворота для въезда автотранспорта рядом. Пропустив доктора вперед, Нечаев вошел следом и передернул плечами, услышав жужжание электронного замка. Некоторые больницы охраняли почище знаменитого форта Нокс, и эта не была исключением. В нее отправляли так называемых «странных» пациентов: тех, у кого тесное общение с Зоной или вынесенными из нее артефактами вызывало признаки душевной или физической болезни.

– Как добрались?

– Благодарю. Пробки, – ответил Нечаев.

Доктор явно чувствовал себя не в своей тарелке, а потому суетился и задавал глупейшие вопросы. А еще у него обнаружилась отвратительная привычка постоянно поправлять очки. Глядя на это, Нечаев несколько раз ловил собственную руку в невольном движении проверить, как поживают на носу собственные.

– Его ведь действительно зовут Арлен? – уточнил доктор.

– Вне всяких сомнений, – усмехнулся Нечаев. – Арлен Владимирович Знаменский, мой двоюродный брат по материнской линии, пропавший четыре месяца и пятнадцать дней назад.

– Просто поймите меня правильно, нечасто встречаются русские люди с кельтскими именами, – сказал доктор и поправил очки.

Нечаеву очень захотелось намекнуть на имя и отчество собеседника, но он вовремя прикусил язык. Вызывать антипатию человека, от которого полностью зависит благополучие родственника, – крайне неразумно.

– Оно не кельтское и даже не ирландское, – сказал он и развел руками. – Советское, как и мое. Наши матери были довольно оригинальны, и спорить с ними у отцов не хватило ни сил, ни аргументов. Владлен не что иное, как имя и псевдоним вождя мирового пролетариата. Арлен в расшифровке – армия Ленина.

– Зато красиво.

– Мы тоже так считаем. Не Даздрапермы – и спасибо.

Доктор коротко рассмеялся.

– А у меня немецкие корни, и в школе за них доставалось неслabo, – сказал он. – Я думал, вы поляк.

Нечаев пожал плечами.

– Не знаю, возможно, в роду имеются и выходцы из Польши. Никогда не задавался целью выстроить фамильное древо. Арлену вы не поверили?

– Как вам сказать? – вопросом на вопрос ответил доктор. – К нам привозят разных пациентов. Не все они адекватны.

Нечаев вздохнул:

– Называйте вещи своими именами, будьте уж так добры: не в своем уме.

Доктор остановился. Они как раз дошли до клумбы с оранжевыми лилейниками и с установленным посреди нее бюстом кого-то явно прославленного и многое сделавшего для науки врачевания вообще или конкретно для этой больницы.

– Ваш брат пережил нервное потрясение и сейчас находится в посткризисном состоянии, но за его душевное здоровье я могу вам ручаться, – заявил доктор с какой-то странной злостью, которой Нечаев от него никак не ожидал.

– Прошу прощения, – повинулся он. – Я настроился на худшее.

– А для вас таковой является душевная болезнь?

– Несомненно. Со всем остальным можно справиться, – уверенно заявил Нечаев.

По лицу доктора пробежала тень.

– Я знал человека, утратившего способность двигаться, но сохранившего ясный ум и желание жить, – сказал он. – Не думаю, будто он согласился бы с вами.

– Не удивлюсь, если он выкарабкался, – уверенно ответил Нечаев. – Пока разум ясен, всегда остается шанс.

Доктор вздохнул и спросил:

– Вы верите в наличие души?

Нечаев нахмурился. Отвечать он не спешил.

– На земле в сравнительно недавнем прошлом имелась культура, утверждающая, будто душа располагается под кожей, и любая рана может способствовать ее потере, – сказал доктор и вновь поправил очки.

– В этом случае все мы бездуховны, поскольку нет на земле людей, ни разу не разбиравших в детстве коленей.

– Должно быть, потому вы так держитесь за разум?

– Скорее, разум для меня неотделим от души и наоборот, – заявил Нечаев. Разговор все сильнее казался ему каким-то неправильным. – Так тот человек выздоровел?

– Если так можно назвать с ним произошедшее, остался ли он при этом именно человеком, лично мне неизвестно, – сказал доктор, не подтверждая и не отрицая, и продолжил: – Ваш брат поступил к нам месяц назад, две недели пролежал в реанимации, затем очнулся, но не мог не только говорить, но и есть самостоятельно. В понедельник написал свое имя, вчера – ваше и номер мобильного телефона.

– Как он себя чувствует?

«И почему он здесь?» Однако этот вопрос Нечаев предпочел не озвучивать. В конце концов, раз ему позвонили и вызвали сюда, то и причину кризиса расскажут.

– Пока не очень, но будет хорошо. – Доктор подхватил его под руку и возобновил движение, даже шаг ускорил. – Я навел справки, ваша сфера деятельности напрямую связана с проклятой московской пакостью.

Нечаев кивнул. Для выяснения этого, в сущности, и справок никаких не требовалось, достаточно было зайти на сайт Института Исследования Зоны, на котором висело не только ФИО, но и фотография.

– В этом случае вас может заинтересовать не только Арлен.

Нечаев удивленно взглянул на него.

– Не поймите неверно, – сказал доктор. – Я вовсе не замалчиваю информацию. В курсе и представители власти, и сотрудники Центра Аномальных Явлений, однако личная заинтересованность никогда не бывает лишней.

Личная заинтересованность присутствовала, как ни крути. Арлен был еще тем сорвиголовой: авантюрист, юбочник, повеса. В деловых кругах сначала Москвы, а затем Подмоскovie он считался лучшим кризис-менеджером. Когда бизнес дышал на ладан и его требовалось реанимировать, приглашали Арлена. Тот ставил рабочий процесс и сотрудников с ног на головы, заставлял плясать лезгинку и выворачиваться наизнанку, но вытаскивал фирму из болота банкротства, налаживая все заново. Потом, получив желаемое и свой куш, уходил. Тихая гавань просто не могла удержать его.

То же касалось и женщин: рокерши, панки, актрисы, спортсменки. В отношении с каждой Арлен бросался как в омут головой. Любая его пассия, начиная с группы детского сада, являлась той самой единственной любовью, которую он искал всю жизнь, но обретал максимум на месяц.

– Московская Зона его никогда не привлекала, как и артефакты, из нее выносимые. Он безразлично относился ко всему, связанному с аномалиями, – сказал Нечаев.

Помнится, когда к Арлену пришел некто из околосонового бизнеса, тот отказал. Причем чуть ли не в грубой форме. И узнав, где именно работает Нечаев, перестал звонить, а при встречах морщил нос.

– Мог ли Арлен перейти кому-нибудь дорогу настолько, чтобы ему подкинули «грим»? – прямо спросил доктор.

– А вы неплохо осведомлены, – заметил Нечаев. – Пожалуй, именно этот артефакт мог бы довести до реанимации никогда не жаловавшегося на здоровье человека.

– По сфере деятельности я обязан знать перечень всех артефактов, – заметил доктор. – В том числе и тех, которые вы не афишируете. Так что?

– Не знаю, – искренне ответил Нечаев.

Они дошли до подъезда – широкого, чистого и светлого, словно вымытого с мылом и вдобавок вылизанного языком. Стоило открыть дверь, в нос бросилась въедливая вонь хлорки, от которой подобные больничные заведения не могли избавиться, даже перейдя на более современные и дорогие моющие средства.

Пол в стеклянном тамбуре устилал бледно-зеленый ковролин, к которому, по идее, должны были приставать грязные следы, однако этого не происходило. Покрытие выглядело идеально чистым до того, как по нему прошли грязными подошвами, и осталось таковым после.

За второй дверью вонь притупилась и более не раздражала. Нечаев ступил на рыжий коврик с надписью «Добро пожаловать», выполненной бледно-голубыми и темно-красными литерами, а затем и в холл. Длинный зал заканчивался лифтовыми створками из серебристого металла и стандартным лестничным пролетом. Сверху на витых шнурах висели энергосберегающие лампочки в красных и зеленых конусах. Справа располагались конторки администрации, слева вдоль стены – всевозможные пальмы в кадках. Уютно здесь не было, зато имелось ощущение попытки создания уюта.

– Прошу сюда. – Доктор снова подхватил его под локоть и направился к ближайшей конторке. – Наденьте халат.

Следующие полчаса Нечаев провел на обзорной экскурсии по больнице – ничем иным таскание его по этажам назвать не выходило. Он никак не мог отделаться от ощущения, будто его планомерно обрабатывают или подготавливают к чему-то.

– Если старая, чернобыльская Зона сплошь радиоактивна, то наша, московская, психоактивна, – говорил доктор то, о чем Нечаев и без него знал. – В первом случае страдает тело, во втором – душа человеческая.

Нечаев тяжело вздохнул.

– Нет, вы неправильно меня поняли, – тотчас сказал доктор. – Я не религиозен и тем более не намерен изображать сектанта или новомодного православного проповедника, предлагая говорить о Боге, дьяволе и прочих высших материях.

– Слава богу, – хмыкнул Нечаев. – Впрочем, не причисление себя к одной из ветвей христианства не означает автоматического непринятия понятия «душа», как бы этого ни хотелось религиозным служителям.

– Именно так, господин Нечаев, – кивнул доктор. – Я шел к подобному выводу сорок лет, рад, что вы оказались умнее.

– Это не мои слова и выводы, – признался Нечаев.

– Значит, друга.

Нечаев подозрительно сощурился. Возможно, справки доктор наводил не только по поводу его рабочей деятельности, но и личных связей, а это уже не на шутку корбило.

– Сложно все же с вами, гэбэшниками, – посетовал тот.

– Я не...

– А что, по-вашему, есть ЦАЯ, как не одно из подразделений? Да ее ФСБ курирует, как собственный филиал, не говорите, будто не в курсе. А Главное Разведывательное Управление на пушечный выстрел не подпускает к нашим аномалиям полчища эколого-охранных организаций и откровенно плюет на резолюции ООН, по которым московская и чернобыльская Зоны считаются последствиями антропогенных катастроф общепланетарного характера, затрагивают всю биосистему и требуют создания международной комиссии.

– Им сильно не нравится платить за продаваемые нами артефакты.

– С покупкой газа и нефти они еще смирились, – согласился доктор. – Американцы намерены ввести санкции на поставку артефактов, кстати. Боятся, как бы с Нью-Йорком не случилось то же, что и с Москвой.

– На мой взгляд, им следовало бы опасаться за Майами, – заметил Нечаев. – А учитывая последние выборы – за Вашингтон.

– Так вот по поводу подозрений. Раз вывод о душе не ваш, то вы его слышали или прочли. В настоящий момент книгоиздательства находятся в упадке и не печатают философские труды. Беллетристика и эзотерика наравне со ста одним способом чего-либо – макулатура не вашего формата. Остается кто-то знакомый, даже близкий скорее всего, – заметил доктор и поправил очки.

Нечаев вздохнул, смирился с наличием давно и периодически успешно подавляемой привычкой и повторил его жест. Вспоминать неоригинальную фразу про связь паранойи и слежки, а тем более повторять ее ему не хотелось.

– Как видите, никто за вами не шпионил, вывод вытекает из элементарного логического построения.

– Вижу... – покивал Нечаев.

В конце коридора открылась дверь одной из палат. Вначале выехала тележка с тарелками и пустым графином, затем показалась медсестричка: юная, миловидная и тоненькая. Нечаев не обратил бы на нее внимания, если бы не толстая коса пшеничного цвета, перекинутая через плечо и спускавшаяся до пояса.

– Вы простите, что я так задержал вас, – приняв виноватый вид, попросил доктор. – У вашего брата режим, и он, думаю, был бы против, чтобы вы оказались свидетелем его трапезы... руки пока не слушаются его, как раньше, однако уверяю, подобное ненадолго.

– Я понимаю, – заверил Нечаев, не сводя глаз с направляющейся к ним девушки.

Не красавица, но и дурнушкой назвать ее не повернулся бы язык. Необыкновенная. В век типажей ей не нашлось бы места на экране, а вот в моделях она могла бы заблистать. Только не среди вешалок, вышагивающих по подиуму, а тех, кто смотрит с портретов художественных салонов или экспозиций фотохудожников. Резко очерченные скулы приносили в ее внешность нечто монгольское, как и узкие раскосые глаза. Вот только цвет их был не черный, а поистине колдовской: бледно-болотный. Ни светло-карим или серым, ни просто зеленым назвать его не выходило. Длинные черные ресницы очерчивали их, словно у фараонов на древнеегипетских фресках. Тонкий длинноватый нос с горбинкой ее нисколько не портил, как и бледные нитевидные губы.

Тележка звякнула, Нечаев посторонился.

– Все хорошо, Настенька? – спросил доктор, стоило девушке поравняться с ним. – Как чувствует себя Арлен Владимирович?

– Поел, шутил, одарил двусмысленным комплиментом, – голос у нее оказался низким и переливчатым, под стать внешности.

– Вот видите, – доктор взглянул на Нечаева, – прогресс налицо. Если пациент начинает интересоваться прекрасным полом, значит, он точно выздоравливает.

– А в чем двусмысленность, если не секрет? – спросил Нечаев.

Настя повела плечиком:

– Не знаю даже, обидеться или возгордиться, – призналась она. – Арлен Владимирович назвал меня истинным совершенством, созданным не для любви, а для восхищения.

– Это в его духе, – улыбнулся Нечаев, подумав, что вряд ли сумел бы столь же четко обозначить свое впечатление от этой девушки.

– А вы его брат, – сказала Настя.

– Двоюродный, – поправил Нечаев и кивнул.

Он мог бы говорить с ней бесконечно, но доктор ухватил его за локоть и потащил в сторону палаты. Осталось лишь попрощаться, улыбнувшись напоследок. Жаль, мимолетная встреча не предусматривала обмена телефонными номерами или приглашения на ужин. Да и не ходят такие девушки по ресторанам с первыми встречными родственниками их подопечных: только с друзьями детства, одобряемыми строгим отцом.

– Привет, очкарик.

Нечаев и не заметил, как дошел до двери и ввалился в палату.

Арлен полулежал на больничной койке, словно какой-нибудь падишах из «Тысячи и одной ночи» в изысканной постели, только-только отпустивший от себя очередную наложницу, и улыбался ему так, словно не существовало никаких разногласий и даже последних лет пятнадцати, а они – два молодых идиота, собравшихся на какую-нибудь отвязную вечеринку.

– Рад тебя видеть, братик.

Глава 4

Стоило Ворону повесить трубку, переговорив с Шуваловым, как позвонил Нечаев. Ворон было решил, что разговор пойдет о странном явлении, в которое попал Денис в Периметре, но ошибся. Все оказалось хуже.

– Как ты? – поинтересовался Нечаев.

– За сегодняшний день меня спросили об этом человек десять, причем маскируя за данным вопросом желание поговорить о своих насущных проблемах, – ответил Ворон и предупредил: – Могу нагрубить.

– Груби, – разрешил Нечаев. – Я собираюсь грязно использовать твою персону в личных целях.

– Уже интереснее. – Ворон откашлялся и уточнил: – Во имя Добра и общего блага, естественно?

– Само собой.

– Это уже менее интересно, – признался Ворон, – идеологической подоплекой пахнет, а запах у идеологии специфический... как от того, чего лучше не трогать и тем более не вляпываться.

– Анархист, – фыркнул Нечаев.

– Ничуть. – Ворон повел плечом и поморщился. – Просто строим не хожу и не люблю, когда других заставляют. Ну, так что у тебя?

Нечаев вздохнул и отчеканил, словно при научном (или даже армейском) докладе:

– Брат. Двоюродный. Пропал почти полгода назад. До этого к Зоне на пушечный выстрел не приближался, считал помойкой, от меня нос воротил, как от ассенизатора или последнего маргинала.

– Он уже мне нравится, – вставил свои пять копеек Ворон.

– Спасибо, Игорь.

– Не за что. Дальше.

– Нашелся в больнице, в которую свозят жертв артефактов, аномалий и прочих, поехавших крышей на почве Зоны. С головой порядок, тело как у куклы. На шее – татуировка-голограмма. Бледнеет уже. И по мере ее исчезновения руки-ноги все лучше слушаются.

Ворон порадовался тому, что занимательный рассказ происходил по телефону, а не в каком-нибудь кафе. Пожалуй, удержать лицо отрешенным он не сумел бы.

– Что рассказывает? – зато голос слушался, а кашель вполне удавалось списать на болезнь. Давненько до Ворона не добирались проклятушие ОРЗ с ОРВИ. С непривычки скрутило так, что он поставил на уши даже Романа. Теперь, когда все почти прошло, за свое поведение было немного стыдно, но исправить прошлое еще ни у кого не выходило, а потому и рефлексировать из-за него не стоило.

– Ничего конкретного.

– Отговаривается амнезией?

– Нет. Просто молчит. И я не собираюсь применять к нему пытки.

– Значит, ты хочешь привлечь в качестве дознавателя меня? За кузена не боишься? – усмехнулся в трубку Ворон.

– Ну тебя к черту!

Кажется, с шуткой он несколько перегнул. Нечаев, похоже, был на взводе и не расположен воспринимать своеобразный вороновский юмор.

– Обязательно и в скором времени. Соскучился я по Москве, – признался тот.

– Игорь... выслушай, ну будь ты человеком. И если я тебя обидел, то...

– Услышу «извини», оборву связь, – предупредил Ворон. – Значит, так, Дэн не умеет читать мысли, и если ты надеялся через него получить информацию, то ничего не выйдет. Он лишь улавливает отголоски мыслей и эмоций, и то наиболее явных. То есть внезапный страх или сильную злобу вполне почувствует, только что нам это даст? Ну и я сам вряд ли смогу все понять, лишь раз взглянув на твоего родича. Советую все же подумать о методах, не раз выручавших человечество в прошлом и настоящем.

– В этой больнице человек двадцать с похожими симптомами. У всех эти чертовы татуировки.

Ворон выругался. В замысловатой длинной фразе цензурными являлись только предлоги и аббревиатура ЦАЯ.

– Да Центр-то здесь при чем?

– А он всегда вмешивается! – разозлился Ворон. – Вспомни историю с крысами, когда Шувалов решил поиграть в детектива! Наблюдатели хреновы! А теперь они вместо того, чтобы решать проблему и сотрудничать с полицией, подставляют тебя. И прекрасно знают, между прочим, кому ты позвонишь в первую очередь!

– Изучением московской Зоны – путей, входов в нее и выходов из нее, свойств артефактов и проявлений аномалий, в том числе и носящих локальный характер, классификацией и наблюдением за мутантами занимается Институт Исследования Зоны, сокращенно ИИЗ. Центр Аномальных Явлений, сокращенно ЦАЯ, озабочен проблемой аномалий в целом, – Нечаев на память зачитал выдержку из официального документа, разграничивающего полномочия организаций.

– То есть всем и одновременно ничем конкретным, – подытожил Ворон. – Хорошо устроились, сволочи.

– Ты строг, – протянул Нечаев, – но в чем-то несправедлив.

– Плевать. – Ворон провел свободной рукой по глазам. – Ситуация – хуже не придумаешь.

Не только лезть в нее, но и просто приближаться к ней не стоило. За татуировками мог стоять Сестринский, а к нему отношение оставалось двояким не только у Ворона. Но хуже всего было то, что не заняться исчезновениями людей и массовыми психическими расстройствами не вышло бы в любом случае.

– Птичка коготком увязла – всей ей и пропасть, – едва слышно проронил он.

– Я не расслышал.

– Это я так... Тихо сам с собой.

– Связь барахлит, – посетовал Нечаев. – Значит, нет?

– Я подумаю, – пообещал Ворон. – Жди моего решения и ничего не предпринимай. Рыпнешься – пошлю точно, а так пока не уверен. Отбой. – И первым прервал связь, не дожидаясь заверений в чем-либо и прощания. Стало резко не до вежливости, более всего хотелось наорать хоть на кого-нибудь. Однако в доме Ворон пребывал в одиночестве, что сейчас было и к лучшему.

Ловушка захлопывалась. Он прекрасно знал, к чему приведет именно его вмешательство, но не спешил улетать из клетки – даже не позолоченной, а самой обычной. Почему? Было интересно, чем все завершится. Западня представляла собой приключение длиною если не в жизнь, то несколько лет точно – настоящий лабиринт, выстроенный то ли самой судьбой, в которую Ворон верил только как в исторический процесс – последовательность причин, действий, ими вызванных, и последствий, – то ли невообразимо хитроумным соперником.

Если б сам Ворон не полез в Москву, жил бы сейчас совершенно иной жизнью. Не факт, что менее захватывающей, просто другой. Не предложи свои услуги ИИЗ, вряд ли вляпался бы во все это. Да только не мог он иначе.

Не сможет ферзь довольствоваться судьбой пешки. Будучи ею, он поперет до последней линии и либо дойдет, либо сложит голову. Вот на этой устремленности, Ворона и поймали.

Затянувшаяся на нем петля поначалу была почти невидимой. Он и теперь не сомневался: противостояние с Дмитриевым случилось независимо от кого бы то ни было. Олигарх решил влезть в чужой бизнес, и если первое Ворона не особенно задевало (места хватало всем), то методы, которыми Дмитриев действовал, как и попытка навязать окружающим правила своей игры, его не устроили категорически. Результатом стала почти эпическая дуэль и... черт его знает, возможно, тогда-то Ворон и напомнил о себе тому, чье внимание привлекать не следовало.

Прозвание легендарным сталкером – это одно. Мало ли на кого роняют слюни восторженные малолетки? Большая часть нынешних кумиров Зоны в подметки не годилась старикам первой, Зоны чернойбыльской. Однако Ворон совершил тактическую ошибку: он показал, что способен не только с автоматом бегать и водить группы. Он выбился из роли тупого героя боевика, а под конец истории еще и умудрился найти с Дмитриевым общий язык. Тот оказался неплохим мужиком с личной драмой, в которой Ворон увидел отголоски собственной истории. Ну и опять же, общее прошлое – фехтовальный клуб, романтика, будь она неладна, – просто не могло не сыграть свою роль. Именно после противостояния с Дмитриевым в его жизнь снова заглянул профессор Сестринский. До этого о нем и слухов не ходило.

Ворон сел за компьютер и, открыв скайп, долго смотрел на ник Алла Андреева. Он находился в избранных, потому отобразился сразу. Напротив него светился зеленый огонек. Однако рука все же не тянулась кликнуть на аватарку – откровенный разговор скорее всего приведет к разрыву. Здравый смысл настаивал, что у Ворона разыгралась паранойя, а этим звонком он разнесет вдребезги свою наконец-то благополучную личную жизнь.

Паранойя у сталкеров – не редкость. Часть из них стабильно оказываются в психбольницах и не факт, что возвращаются оттуда. Вот только удавка стала затягиваться после истории с преступниками, называющими себя «белыми сталкерами», Алла тогда и появилась. Более того, именно она наняла Ворона и Дениса искать Валентина, по сути, подставив под удар. Эта привлекательная, чертовски умная женщина вдобавок ко всему являлась ученым, непосредственным разработчиком «радужки», «грима» и невесть еще какой гадости, стояла у истоков синтеза и создания искусственных артефактов. Разработки ее лаборатории стоили жизней многих хороших и не очень хороших людей.

Ворон терпеть не мог тех, кто предпочитал чувства разуму, и сам же оплошал. Алла мастерски сыграла на старом, как мир, соперничестве двух самцов. Ворон и так схлестнулся с Дмитриевым, но заполучить ее благосклонность стало для него главной целью. А ведь работу у Дмитриева она так и не оставила и не рассказывала, чем занималась сейчас.

Вступая в борьбу с «белыми сталкерами», Ворон никогда и не предположил бы атаки именно на себя – даже для столь самоуверенного типа с манией величия это слишком. Прошлое, которое порядком давно не заявляло о себе, спряталось за углом и нахально выжидало, а он даже не подумал оглянуться. Более того, он совершил непростительную ошибку.

В Периметре не находилось места для жалости, глупости, сентиментальности и надежды. Последняя – самая отвратительная из всего, чему подвержены люди вообще. Именно она издыхает позднее остальных, сковывая владельца по рукам и ногам, не давая действовать и заставляя рассчитывать на случайность.

Шрам был не жилец, Ворон в том не сомневался, да и никто не предположил бы иного. Нереально вынести из Зоны мужика минимум на голову выше и в полтора раза шире себя в плечах. Особенно если он не любимый родич или приятель, а преступник, религиозный фанатик, псих и просто убийца, привыкший не ставить ни во что чужие жизни, а людей воспринимать боевыми единицами. Шрам едва не убил Дениса, да Ворон глотку хотел бы ему разодрать собственными затупленными человеческими зубами. А если в спину дышит отряд отморозов, способных не просто выживать, а ходить в Периметре, как дома, то и говорить не о чем.

Правосудие... да когда Ворон в него верил? И в России, и за границей закон – дышло и палка о двух концах.

Однако самолично пристрелить Шрама духу у него не хватило. Ворон не умел бить лежачих и калек, даже если они являлись распоследним дерьмом, а потому понадеялся на Зону. Та же воспользовалась шансом подшутить. Вероятно, не просто так попал в руки Шрама тот свисток, обеспечивший ему повиновение крыс-мутантов.

Так или иначе, а выйти из игры Ворон больше не мог: остановить маньяка, которого создал собственноручно, он считал делом чести. А вместе со Шрамом в его жизнь вошел и Сестринский – так, словно никогда из нее и не уходил, всегда находился поблизости и следил одним глазом за своим неприкаянным, свободолюбивым творением.

Творение еще могло отказаться от намечаемой встречи. Ворон сумел бы послать Нечаева к зоновым тварям, объявить отпуск, ухватить Дениса в охапку и увезти на край мира, хоть в Австралию! Но... не хотел. Ему, черт возьми, было интересно, чем все закончится. При этом иллюзий относительно хеппи-энда он не питал абсолютно никаких.

Наверное, Сестринский превосходно играл в шахматы. Ворон обожал эту игру в детстве, но так и остался любителем, умеющим просчитывать комбинации не далее четырех ходов. Помнится, еще в школе его угораздило обыграть учителя физкультуры. Мужик был правильный, потому не оскорбился, а потащил на шахматный турнир. На нем Ворон обыграл двух сверстников и одного десятиклассника и вчистую на пятой минуте продул второклашке!

«А на что ты рассчитывал, это чемпионка Москвы», – сказал тогда физкультурник.

После того случая Ворон забросил шахматы. Продолжил играть только в выпускных классах, но лишь на любительском уровне, ради развлечения. Может быть, и зря.

Впрочем, жизнь сложнее любой игры, и у него имелся пусть единственный, но весомый козырь. Козырь появился случайно и тоже благодаря глупой сентиментальности, о которой Ворон еще ни разу не пожалел и точно не собирался делать этого впредь. А еще у него оставались друзья – настоящие, готовые терпеть все его выходки и за которых не жаль было положить собственную жизнь.

– Поиграем, – сказал Ворон экрану и почти уже нажал на вызов Аллы, когда некто Оттер постучался и попросил добавить себя в список контактов.

Глава 5

Денис загнал машину в гараж, выключил зажигание и только после выдохнул с облегчением. «Будь проклят тот день, когда...» – всплыло в памяти. Нет, машина, особенно после доработок, внесенных техниками Ворона, его полностью устраивала. Всем, кроме габаритов. Если бы Денис покупал ее под себя, а не в надежде пересадить друга с двух колес на четыре, то присмотрел бы автомобиль покомпактнее. Гибридный седан его вполне бы устроил. А уж если б он знал заранее, что не пройдет и нескольких дней, как Ворон заведет себе космический корабль, скрывающийся под названием «Хонда Пилот», то вообще отказался от покупки. Два джипа в гараже становились с ювелирной четкостью. Полметра влево-вправо – и либо поцарапаешь, либо дверь не откроешь, и придется вылезать из пятой. После выхода из Москвы, разбирательств на КПП по поводу сданных с рук на руки вольных, дачи показаний приехавшему наряду полиции и почти ста километров езды – то еще удовольствие.

Со второго этажа доносились всхлипы бас-гитары и барабанный ритм, значит, Ворон все же решил выполнять предписанный постельный режим и надирался, лежа на диване, рефлексируя по поводу подхваченной простуды. Если в отношении всевозможных ранений и увечий напарник строил из себя стойкого оловянного солдатика, то первый же чих делал из него представителя типичного мужского анекдота про: «Слушай меня внимательно, женщина, это мои последние слова». Роль данной гипотетической женщины, разумеется, доставалась Денису: Алла подобного попросту не вынесла бы.

Пройдя на кухню, Денис щелкнул кнопкой чайника и, разорив холодильник, принялся строгать бутерброды. Наверх он поднялся во всеоружии: с подносом, нагруженным большим блюдом и двумя кружками с чаем и кофе. Последний – с лимоном и специями – Ворон поглощал в больших количествах и в любое время дня и ночи. Содержащийся в напитке кофеин несколько его не беспокоил и сну не препятствовал. Кружки ничем не напоминали те, в которых принято разносить пиво: глиняные, пузатые. Одну, в виде головы сказочного витязя (наверняка с которым беседовал Руслан в поэме Пушкина), Денис забрал себе. Не менее пузатую с вылепленной в передней части распластавшей крылья птицей приготовил для напарника.

– Жив, здоров, весел, бодр? – поинтересовался Ворон еще до того, как обернулся. Расположился он не на диване, а в черном кожаном кресле, поставив на закинутые на табуретку ноги ноутбук, и явно пребывал в приподнятом настроении, что-то печатал левой рукой, а в правой грел донышко квадратного бокала с покачивавшейся на дне прозрачной желтоватой жидкостью.

– Вокруг тлен и безысходность, – ответил Денис, перекивая Джеймса Хэтфилда.

Со знаменитым вокалистом и гитаристом «Металлики» соперничать не выходило, Ворон оторвал руку от ноутбука и дотянулся до пульта. Воцарилась тишина.

– Как все печально... – фыркнул Ворон, ухватил с подноса кофе, отпил, повел носом, улавливая мельчайшие оттенки аромата, и опрокинул в него содержимое бокала, после чего отставил тот подальше. – Явно не испортит.

– С горя или с радости? – поинтересовался Денис.

– С душевного настроения, – ответил Ворон, сделал первый глоток и мечтательно улыбнулся.

– И ты, я вижу, практически здоров? – Денис поставил поднос на передвижной столик, подкатил его к креслу и, облокотившись на спинку, заглянул в экран.

Компьютерные игрушки, по большому счету, оставляли равнодушными их обоих. На сидение в длинных стратегиях времени было откровенно жаль, а для перезагрузки мозгов прекрасно подходил и тетрис. Еще Ворон отдавал предпочтение симуляторам, как сейчас.

На экране покачивал крыльями остроносый F-35. Справа давались характеристики и краткие выдержки из истории создания.

– А почему не наш какой-нибудь? – спросил Денис.

– Неужто ты и в самолетах разбираешься? – усмехнулся Ворон. – Ты с этим своим самообразованием меня до инфаркта доведешь.

– Не ерничай, пожалуйста, – попросил Денис. Он вырос в клане, не ходил в обычную школу и не получил никакого образования, кроме базовых умений и того, что считали нужным лидеры. Потому, когда появилась возможность, стал усиленно читать. Не умученные школьной программой мозги требовали заполнить их информацией, причем четкой склонности именно к техническим или гуманитарным наукам не имели.

– Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь, – усмехнулся Ворон и пообещал: – Так и быть, не буду подтрунивать. Но вообще-то этот красавец, – он указал на истребитель, – почти наш. В конце двадцатого века американцы заинтересовались вертикальным взлетом и посадкой и принялись сотрудничать с опытно-конструкторским бюро имени Яковлева. Времена для нашей страны стояли не из лучших, потому разработчики восприняли предложение о разбазаривании интеллектуального богатства России... то есть Союза с энтузиазмом. Демонстрационная версия получившегося самолета во многом внешне напоминала Як-141, за исключением того, что обходилась одним основным двигателем, а не двумя дополнительными подъемными турбореактивными. В результате была намечена разработка унифицированной модели истребителя-бомбардировщика для стран НАТО. О России, как понимаешь, все быстро забыли.

– Свинство какое. И ты собрался на нем летать? – Денис поморщился.

– Не я. Это онлайн-овая игрушка. Но надо же знать, что представляет собой противник, – заметил Ворон. – К слову, F-35 превысил бюджет и неплохо отъел заграничного капитала, потому можно считать себя в некотором смысле отомщенными. Что касается моего выбора, я тебя не удивлю. – На экране появился Су-34. В черном корпусе и с намалеванной на боку птичьей головой смотрелся он впечатляюще. – Передняя часть самолета приплюснутой формы, из-за чего многие зовут его «Утенок», но я, как видишь, верен себе.

– Многофункциональный истребитель-бомбардировщик, осуществляет выполнение основных боевых задач без сопровождения истребителями прикрытия ввиду высоких боевых качеств, позволяющих вести самостоятельно маневренный воздушный бой с любыми существующими истребителями противника на равных условиях, – прочитал Денис. – А вы будете воевать?

– Пока просто летаем, – сказал Ворон и пробежал пальцами по клавиатуре.

Будь на месте ноутбука рояль, наверняка родилась бы новая мелодия.

Экран полыхнул белыми и розовыми облаками, затем они разошлись в стороны, открывая умытый синий небосвод. Неожиданно ожили колонки, и на фоне низкого гула двигателей раздался смутно знакомый голос:

– Потанцуем?

Денис нахмурился, припоминая.

– К твоим услугам, – в голосе Ворона обозначилась улыбка. – Поехали!

На экране отразилась взлетно-посадочная полоса. Растущие по обочинам кусты уносились за обзор со все возрастающей скоростью. А затем полоса ушла вниз: Ворон рванул в небо, сделав «бочку», и «свечой» ушел вверх. На небольшом экранчике-окошке в правом нижнем углу Денис мог оценить зрелищность фигур высшего пилотажа. Даже при учете того, что все происходило на компьютере, выглядело просто потрясающе.

«Американец» повис на хвосте почти сразу. Предупреждающе взвизгнула система перехвата, сообщая о попадании «Сухого» в прицел ракеты «воздух-воздух». Ворон закончил карабкаться по восходящей «Хаммерхедом». Самолет на мгновение завис в воздухе и устре-

мился к земле в пике. С противником он удачно разошелся, тот совершил «петлю Иммельмана» и попытался снова взять в прицел, но Ворон оказался проворнее, быстро набрал высоту и пристроился в хвост F-35.

– Зар... р... раза, – донеслось из колонок.

Ворон некуртуазно заржал.

«Американец» забрал влево, совершил боевой разворот и пошел в лобовую, пытаясь принудить к дуэли.

– Я тебе мальчик, что ли? – фыркнул Ворон и штопором ушел вниз.

– Трус, – донеслось из колонок.

– Зато не дурак, – отвечивал Ворон. Спиральный спуск он завершил, когда в колонках опять завывала сирена, обозначая критическую высоту.

При взлете «американец» его не трогал и затем продолжил лететь ровно, не вступая более в игру.

Ворон, красуясь, крутанул вокруг него «бочку» и пристроился крыло в крыло.

– На компьютерном симуляторе дуэлировать неинтересно, – сказал он. – Ну, не отверну я, не отвернешь ты. Ну, будет красочный взрыв. Ну, Дэн назовет нас мальчишками.

– Привет, Дэн, – откликнулся знакомый, но по-прежнему неопознанный голос в колонках.

– Добрый вечер, – поздоровался Денис.

– Смотри-ка, не признал, – фыркнул «американец» и встал вертикально относительно земли.

Ворон по инерции пролетел вперед и вновь попал под прицел ракет.

– Да твою ж...

– Я тебе еще «Чакру Фролова» не показывал, – ответили из колонок.

– И не покажешь, – ответил Ворон, заходя на «петлю Нестерова» и сбрасывая F-35 с хвоста. – Мы условились не использовать того, чего не сумели бы в реальности.

Денис присвистнул. Почему-то он сразу поверил, будто подобное условие – не обычная бравада.

Прилипала F-35 настырно зашел на «мертвую петлю» вслед за Вороном, но в верхней точке завалился на крыло и крутанул «бочку». Ворон прищурился и резко задрал свою «птичку» носом относительно курса, вставая в «кобру» и пропуская вперед «американца», чтобы в свою очередь упасть ему на хвост.

– Пиф-паф, – прокомментировал Ворон и откашлялся. – Ну что, закончим шоу, раз уж и зритель подходящий имеется?

– Не возражаю. Но вообще-то я намерен наши выкрутасы на Ютубе выложить.

– Да хоть на первый вещательный отправь, – усмехнулся Ворон.

F-35 вынырнул слева, поравнялся с Су-34, и два истребителя взмыли вверх, попутно расписывая небо узорами. В высшей точке они замерли на несколько мгновений, отчего-то показавшихся вечностью, и синхронно закручивающимся вертикальным штопором спикировали вниз на малой тяге: друг против друга. Действительно, как в танце. Истребители шли рядом на минимально допустимом расстоянии, позади заворачивалась белоснежная спираль ДНК.

В колонках начал напевать что-то «американец», и вначале Денис просто припомнил мелодию, а затем в мозгу вспыхнуло воспоминание: будто в темной комнате щелкнули выключателем.

– Выдра?!

Они чуть не вошли в землю. Оба.

– Вот ты специально под руку? – возмущенно рыкнул Ворон.

– Привет, малыш, – раздалось из колонок. Юрист, бухгалтер, правая рука лидера почившего давным-давно клана «Доверие», актер, столь часто меняющий амплуа, что Денис и не

знал, какой Выдра на самом деле. Давний друг Ворона смеялся в голос и, кажется, действительно был рад узнаванию. – Вот ты тугодум, Дэн. Каким был, таким и остался.

– Есть такое! – Он действительно обрадовался.

Денис ненавидел и боялся Выдру в юности, считал, будто именно тот хочет его смерти или хотя бы выпшвырнуть вон из клана. Впрочем, он тогда думал, будто и Ворона больше не увидит. Оказалось же, Выдра находился в клане в том числе и из-за него – по просьбе Ворона, – а после еще и спас жизнь.

– Ты где сейчас? Почему пропадал?.. То есть я в курсе Дмитриева, но с ним ведь уладилось вроде? – вопросы выговаривались сами собой.

– Какой пыл! – Ворон рассмеялся, закашлялся и попробовал сделать вид, словно так и предусматривалось. В отличие от Выдры самолет он не бросил и уже завернул на посадку.

«Миссия завершена» – темно-синие литеры вспыхнули на весь экран, после чего вернулось стандартное меню. Напротив ника «Кар» стояло первое место, «Оттер» удостоился лишь второго.

– Ах ты... жук, – прокомментировал Выдра такую несправедливость, проигнорировав поток вопросов, заданных Денисом.

– Меньше щелкай клювом, – фыркнул Ворон.

– А у меня не клюв, – ответил Выдра. – Но так и быть, прощу и жду в гости. Пока, Дэн, там и пообщаемся по-человечески. Отбой, командир?

– Отбой. Будем, – пообещал Ворон и вышел из игры.

Денис не без удивления увидел вместо привычного фонового рисунка рабочего стола в виде какого-то сложного переплетения рунических символов огромную черную птицу в небе.

– И когда? Куда? – поинтересовался он.

– Хоть сейчас. – Ворон повел плечом и улыбнулся.

– Ты ж выпил.

Ворон закатил глаза к потолку и допил остывший кофе.

– И болеешь, – напомнил Денис.

– Зараза к заразе... – начал тот, но затем махнул рукой и вздохнул, посмотрел на дно, наверняка разглядел что-то в кофейной гуще и, отставив кружку в сторону, произнес: – Вирусы ко мне пристают только в одном случае: если начинаю слишком много думать о вещах крайне неприятных. Организм начинает отвлекать.

Денис уселся на стул и принялся пить чай. Тот тоже остыл, но он и не любил глотать кипяток.

– О чем же таком можно размышлять и вызвать у себя температуру под сорок? – спросил он.

– Не все мысли одинаково полезны? О прошлом, Дэн. Все о том же моем героическом прошлом. Знаешь, есть одна легенда. Ее из уст в уста передавали в семье моих британских друзей, у которых я жил некоторое время после развода. Это были очень храбрые, умные и азартные люди. Не-люди, впрочем, тоже... по крайней мере и глава семейства, и его отпрыски верили, будто в них течет частичка крови фейри.

– Кого-кого?! – Денис покачал головой.

– Какая жалость, – посетовал Ворон, взглянув на него пристальнее, чем обычно. – Ты слишком необычен, потому со временем превращаешься в зануду и чертова прагматика. Динька, так нельзя.

Денис вздрогнул. Он слишком привык, что напарник зовет его принятым в Зоне именем, а не этим уменьшительным.

– Не знаю, – сказал он. – Просто... все эти аномалии и... мутанты. Если еще и эльфы с гномами появятся, я свихнусь.

– Говоришь, как Шувалов. А ведь именно благодаря тебе в перечне артефактов и зонавых тварей бродят назгулы и прочие хоббиты.

– Хоббитов не видел.

Ворон рассмеялся.

– Я вырос, – то ли упрекнул его, то ли повинился Денис.

– Если бы так же вырос я, то мы с тобой не разговаривали, – заявил Ворон. Пожалуй, из всех возможных аргументов этот являлся самым действенным. Ни один другой сталкер не стал бы возиться с эмиоником, набредшим на него в Зоне, – пристрелил бы. А Ворон – вывел. И в клан пристроил, когда понял, что сам никогда никого не вырастит и не научит... ну и не захотел обзаводиться сироткой и становиться «папашей» – тоже. Однако не забыл, не бросил, присматривал и вернулся, когда Денису исполнилось восемнадцать.

На самом деле Денис сам не знал, как относиться к тому давнему поступку напарника. Он однозначно испытывал благодарность, но неужели у Ворона не нашлось возможности отдать его не в «Доверие» к Стафу, а к кому-нибудь более порядочному? С другой стороны, может, других и не существовало или они были бы еще хуже? Ворон не походил ни на героя боевика, ни на праведника. Он просто был собой и действовал без оглядки на чужие принятые и считавшиеся правильными убежденности.

– Ты сейчас о...

– И о Сестринском, и о войне, и о... Обо всем и ни о чем конкретно.

– Так что с легендой обитателей холмов? – Денис решил соскользнуть со скользкой темы. Подобные разговоры случались нередко, и каждый раз Денис чувствовал себя виноватым. Он пытался стать таким, как Ворон, и не мог: не хватало решимости, уверенности в своей правоте. Наверное, нормально сомневаться в себе, если вокруг преимущественно люди старше вдвое, а то и больше, но вряд ли от этого легче. Чтобы стать вторым Вороном, следовало им родиться.

– Она о том, что есть только один способ посрамить Дьявола в карточной баталии – не играть. Встать из-за стола, поблагодарить и свалить подобру-поздорову.

Денис хмыкнул:

– С каких пор ты веришь в ад и рай?

Ворон поморщился.

– И не начинал, но аналогии вполне понятны, – ответил он.

– А как же кузнец Вакула и все такое?

– А ты знаешь, что с ним произошло лет через пять-десять-тридцать? – спросил Ворон и прищурился. – Любой выигрыш у Дьявола обернется проигрышем в жизни. Таким, что даже неудача за столом покажется милой нелепой случайностью. И еще: Дьявол – лучший из возможных соперников, самый мудрый, хитрый и обаятельный. Самый достойный. Возлюбленный враг. А значит, играя против него, ты всегда ему подыгрываешь. Сам раскрываешь карты перед ним. Сам шепчешь о своих слабых и уязвимых местах.

– И что делать?

– Встать из-за стола, и будь что будет. Худшее не случится точно, а иногда может и повезти – пропоят петухи, и игра прервется. Главное – взять себя в руки и не искать возможности снова сесть за этот стол. А я...

– А ты? – Денис покосился на бутылку, но напарнику было явно не до нее.

– Ку-ка-ре-ку, блин. Вставай, солнышко. И вперед с песней на фиг из-за стола. – Ворон все же перехватил его взгляд и кивнул, Денис плеснул ему в бокал, а заодно и себе. Ворон благодарно улыбнулся и опустошил свой залпом. – Самое неприятное, Динька, врать самому себе, а я именно это делал все время. Едва ли не десять с гаком лет, если не начал еще раньше, с войны.

– Ты не отказался бы от предложения Сестринского в любом случае, так зачем корить себя за это?

– Разумеется, нет! Более того, если бы отец не сделал для меня подарок, равноценный зачатию, то Сестринского я нашел бы сам, – уверенно произнес Ворон. – Не знаю как, но непременно и обязательно. И я как раз выиграл, тот самый счастливчик. Единственный, потому как и Дьявол оставил меня в покое, вот только...

– Только?.. – эхом откликнулся Денис.

– Зачем же я ищу встречи?

– Не ты! Если бы не Дим, Шрам, крысы и убийства сталкеров... – начал Денис.

Ворон саркастически хмыкнул.

– Это Шувалову нужен Сестринский! – заверил Денис. Разговор нравился ему все меньше, и особенно невыносимо было от того, что он не мог поделаться ровным счетом ничего.

Если Ворон начинал рефлексировать, рассказывать о себе, напиваться в одиночестве, значит, очень скоро произойдет что-нибудь плохое. Каждый раз, когда Денис заставлял друга в таком состоянии, того подстерегала опасность, даже близко не сравнимая с обычным походом в Зону. И ведь не сказать об этом, не попросить замолчать. Вернее, попросить-то можно, Ворон даже изменится внешне, станет травить байки, смеяться. Однако ничего это не изменит, сделает много хуже, поскольку Денис не успеет подготовиться к беде.

– А по-твоему, у меня не хватило бы красноречия послать по матушке в далекие края нашего дорогого профессора вместе с ИИЗ и Нечаева со всей его гоп-компанией из ЦАЯ? – разозлился Ворон. – Нет, правда?.. На полном серьезе считаешь меня тряпкой?!

– Хватит! – Денис отставил в сторону свой бокал. – Собирайся, я отвезу.

– Куда? – Ворон заинтересованно склонил голову к плечу – совсем, как огромная черная птица.

– К Выдре! Он приглашал.

– Типа один со мной не справишься? Ну нет! – сказал Ворон и расхохотался. – Я не настолько сволочь и помню, что за рулем только сам отдыхаю, тебе же после приключений в Москве – дополнительный стресс.

– Ты в курсе?

– Шувалов чуть ли не сразу позвонил, как ты вышел. Я уж хотел сам до КПП доехать, но следующий звонок оказался больно не ко времени.

– А подробнее? – Денис нахмурился. – Честное слово, мне сейчас хочется напоить тебя до бесчувствия и запереть в подвале, а всех интересующихся слать пешим эротическим маршрутом в известное место.

– Не выйдет, ты пьянеешь быстрее, тем более уставший.

– И залезть к тебе в голову не в силах, – вздохнул Денис, признавая свое поражение.

– Не придется, я расскажу, – пообещал Ворон. – И поэтому тоже мы останемся сегодня дома. Я очень хочу напиться в твоём обществе.

Денис кивнул и опустошил свой бокал.

Глава 6

Район был, откровенно говоря, неприятный. Некогда белые пятиэтажки воспринимались серыми бараками с грязевыми потеками по стенам то ли от витавшей в самом воздухе гадости, то ли от сезонных осадков, то ли от всего вкуче. Яркими пятнами выделялись граффити на всем, что юным вандалам пришло в головы приспособить для рисования. Хлипкие чахлые деревца с вытоптанными газонами и детскими площадками с облупившейся краской обязательно темных мрачных оттенков наводили на мысли о тщете всего сущего. Через многочисленные арки, то там, то здесь прорезающие длинные здания, гулял ветер, порой срывая кепки с прохожих. И над всем этим серым низким куполом довлело белесое небо – даже в Зоне оно казалось приветливее и снисходительнее к людям.

– Короче то, что надо, – подытожил Ворон, оглядываясь.

– То есть? – выходя из автомобиля, поинтересовался Денис. На обыкновенную сигнализацию он поставил машинально, затем подумал и включил дополнительную, подававшую на кузов постоянный электрический ток: сильно не ударит, но попытки лишний раз прикасаться к чужой собственности пресечет. – Я, кстати, оценил твое нежелание оставлять здесь «Энтерпрайз» без присмотра. Мой «Дастер» тебе, разумеется, не жаль.

Ворон фыркнул.

– Не бойся, колеса не снимут, – сказал уверенно.

Двор, в котором они припарковались, был пустынен. На лавках возле подъездов даже вездесущих старушек не оказалось.

– Хмыря не хватает, – бросил он, задумчиво.

– Да он в этом гадючнике жить бы не стал!

Ворон рассмеялся. Его сильно позабавило слово «жить», применимое к зоной нечисти (именно к нечисти, поскольку упомянутый хмырь, хмарь, а то и шмарь в последней лингвотредакции вольных не являлся ни мутантом, ни проявлением аномалии).

– Зона приветливее, верно, Дэн?

– Однозначно, – он ответил раньше, чем сообразил не делать этого.

– И тварюшки для нас с тобой роднее, нежели отдельные представители хомо сапиенс, способные превратить свой дом в помойку, – продолжил Ворон. Они стояли возле машины, и никто не мешал им беседовать в свое удовольствие. Ветер ерошил Ворону волосы, отросшие чуть длиннее, чем он носил обычно. В них по-прежнему не было и намека на седину.

– Знал бы заранее, что Выдра живет в такой дыре, воспользовался бы такси.

– И я бы всю дорогу нервничал, машинально ища ногами педали? – Ворон мотнул головой. – Ну уж нет, уволь меня от подобного счастья. Тебе я хотя бы доверяю, а в такси могу разьезжать лишь пьяным в драбадан.

– Зарубку на память сделаю, – предупредил-поддразнил Денис. – К слову, я думал, Выдра, как и ты, предпочитает комфортные условия проживания.

– Он руководствуется необходимостью и не столь зависим от окружения и обстановки, – не без скрытой гордости за друга сказал Ворон. – Сейчас день и, как видишь, ни одного полицейского. Этот район даже гаишники за версту объезжают. А уж ночью – тем более. Милое местечко.

– Для чего? Для жизни? – Денис поморщился.

– Офиса. Лучше не придумашь для возрождения клана. Если не желаешь светиться перед властями – тем более.

– Постой... – Денис, уже было намеревавшийся идти искать нужный им подъезд, приостановился. – Ты хочешь сказать, Выдра...

– Так вышло, что у меня сохранились некоторые документы, – пояснил, на самом деле ничего не объясняя, Ворон. Затем помолчал, но, не видя проблеска понимания на лице Дениса, все же сказал прямо: – С основания еще того, твоего родного клана.

– «Доверия»?! – Наверное, стоило говорить тише, но Денис не сдержался. Его неожиданно захлестнул поток самых разных эмоций, и разобраться, какие чувства в нем превалировали, даже он – практически эмпатик, эмпат, способный улавливать отголоски чужих ощущений, – не сумел.

Ворон вздохнул, протянул руку, мельком коснулся его плеча, призывая к порядку, и кивнул.

– В последнее время вольных развелось слишком много. Половина, если не больше «нелегалов» – раздражающих, не имеющих понятия о принятых в Периметре законах, не интересующихся ничем, кроме денег, портящих кровь старым сталкерам, – сейчас работают под крышей туристических компаний, – начал он, – поэтому мы и имеем дело с ходками по Зоне «туристов». Кто-то из правительства захотел подзаработать и протащил поправку к закону об околосоновых объектах. В результате все получили головную боль, кроме чиновников, выдающих лицензии, но поскольку Зона начала приносить реальную прибыль, а фирмы пополняют бюджет в виде налогов, поправку если и отменят, то очень не скоро... когда двухголовые младенцы рождаться начнут, не раньше.

– И ты решил возродить «Доверие»?

Ворон снова кивнул.

– Сейчас нотариусы отказываются выдавать какие-либо бумаги, регламентирующие юридические права кланов, но в разгар становления Зоны они делали это с радостью. Даже, пожалуй, недоумевали, почему кто-то желает работать по закону, а не как все. А поскольку закон обратной силы не имеет, «Доверие» – абсолютно легальная организация, как и «Спасение». Не вижу смысла терять ее.

Денис прикусил губу. Он пока не знал, как относиться к этому.

– По всем документам я проходил как соучредитель и совладелец.

– Но Стаф...

– Пропал без вести и признан умершим. В результате я остался единственным наследником всего этого. Лола официальной женой Стафа не являлась, а завещания тот не оставил, привык жить по понятиям и оставил любимую женщину на бобах.

– Лола... жива?

– С чего бы нет? Не волнуйся, эта женщина точно не пропадет, – усмехнулся Ворон, – да и я все же не такая сволочь, как принято думать. Без пособия не оставил.

– Не собираюсь я волноваться! Относительно последнего – особенно! – Денис задержал дыхание и попробовал успокоиться. Столь ярких эмоций он в себе и не подозревал. Учитывая все его детские комплексы, непонимания, положение фактического изгоя, в его пребывании в клане имелись и очень приятные моменты: по крайней мере один лучший друг, проделки, до сих пор вспоминаемые с улыбкой, песни под гитару у большого костра из разного хлама. Даже изматывающие тренировки на полигоне, после которых хотелось упасть, свернуться калачиком и спать недели две как минимум, тоже проходили по памяти светлой полосой. И первая любовь – тоже. – А как же «Спасение»?

– А что с ним такое? – удивился Ворон. – «Спасение» – это ты и я, оно напрямую сотрудничает с ИИЗ и выводит из Москвы потерявшихся в ней людей. В «Доверии» я официально состоять не собираюсь, как не рекомендовал бы и тебе. Запасной аэродром на случай... – Он замолчал на пару секунд и, усмехнувшись, качнул головой. – Мало ли: ситуация изменится, наш профессор уйдет на пенсию, а ЦАЯ подсуется и поставит во главе института свою штабную крысу, например. Туго-госдумцы, наконец, закроют Москву окончательно, объявив всех,

с ней связанных, врагами человечества, ядерная война начнется, зомбиапокалипсис нагрянет, инопланетяне атакуют...

– Все-все! – Денис выставил перед собой руки ладонями вперед. – Я понял.

– «Доверием» займется Выдра. Мы уже поговорили по этому поводу и все уладили, – привнеся в тон немного серьезности, продолжил Ворон. – Он хотя бы знает всю кухню изнутри и какой реальный кусок пирога остался от собственности, принадлежащей клану, – в том числе. К слову, кус на удивление немалый.

Денис кивнул.

– Не согласен? Обижен? – Ворон вопросительно приподнял бровь.

– Я не девочка, чтобы обижаться, – поморщился Денис на такое предположение.

– Глупый солдатский юмор, подцепленный от Духа и компании, – заметил Ворон. – Я жду возражений по существу.

А вот их не имелось, да и быть не могло. Денис покачал головой.

– Нет, напарник.

– Отлично, – ухмыльнулся Ворон. – В таком случае ты не будешь возражать против совладения.

– Ой! – Денис икнул. Причем не демонстративно, а на полном серьезе: слишком не ожидал.

Ворон рассмеялся:

– Но-но, не нужно так пугаться. Я не собираюсь самоубиваться о Москву и пропадать в ней – тоже... по крайней мере с концами. Но во всем обязан присутствовать порядок. Мне необходим наследник, и я уже решил, кто им станет.

– Мне кажется, – задумчиво проронил Денис, – шансов исчезнуть вместе у нас много больше, нежели поодиночке. И... – Он куснул губу и все-таки сказал то, о чем старался лишней раз не упоминать: – Мне до смерти надоело тебя хоронить. Пожалуйста, будь осторожнее.

Ворон в ответ молча потрепал его по плечу.

У нужного им подъезда решили весело провести время пятеро молодых людей в компании семечек и пива. Выглядели они не слишком доброжелательно. Одеты в спортивные костюмы и кожаные куртки. Трое сидели на корточках, двое облюбовали спинку лавочки, выкрашенной в мрачно-желтый оттенок и содержащей надписи разной степени похабности.

Денис сосредоточился, намереваясь уловить идущие от них эмоции, однако в головах у парней творился кавардак. Шедший рядом Ворон словно невзначай на излете движения стукнул Дениса по руке.

– Ты чего? – поинтересовался он. – А ну расслабься.

– Ага, как же, – ответил Денис. – Ты знаешь хотя бы одного человека, который после подобной фразы не напрягался еще сильнее?

Ворон хмыкнул.

– Ну, вот Роман, например, мне верит в отличие от некоторых, – с недовольством в голосе сказал он, в глазах же притаились смешинки. – Хотя, кажется, он попросту любит наблюдать за устраиваемыми мною представлениями.

Денис вздохнул и кинул взгляд на парней. Они были явно не самой приятной компанией для общения. У одного из них на телефоне играл рэп, который Денис не любил, а Ворон так и вовсе не переносил на дух. Чем ближе они подходили, тем громче становилась музыка и приклатненный тенорок, повествующий о том, что свобода – это умение отрываться и гадить на несогласных с данной глубоко философской сентенцией. Парни – вблизи им уже удавалось дать в районе восемнадцати – распивали пиво, громко матерились и смеялись. «Гостей» заметили только когда Ворон и Денис почти поравнялись с лавочкой.

– Оп-па...

Удивительно, но в компанию затесалась девица. Вначале Денис среагировал на голос и только потом заметил грудь в расстегнутой куртке и черную майку, в которой та едва помещалась. Волос на голове у девицы не наблюдалось, в губу продето узкое серебряное колечко, в ноздре – сдвоенное колечко с розовым камушком. Зато уши в целом у нее оказались нетронуты.

Они замолчали, надрываться продолжил лишь рэпер, и начали внимательно рассматривать незнакомцев. Ворон подошел к подъезду, не только не оглядываясь на них, но и не смиряя шага. Денис не отставал, терзаемый нехорошими предчувствиями. Пожалуй, он впервые пожалел об отсутствии у него огнестрельного или хотя бы холодного оружия. Ворон всегда носил с собой нож из «витринки», но он и пустил бы его в ход лишь в самом крайнем случае. Вряд ли банды малолеток входили в перечень обстоятельств, которые он считал бы требующими вооруженного вмешательства.

Компания в полном составе поднялась, обступила с боков и загородила вход.

Самый здоровый из них, амбал под два метра ростом с явно перекаченным торсом, что одновременно говорило и о принятии чрезмерного количества химии, и о неумении пользоваться телом в драке, харкнув в сторону, приготовился заговорить.

– Пацаны, слышите, сиги есть? – перебил его Ворон.

Амбал пожевал губами и промямлил нечто нечленораздельное, затем кивнул и протянул Ворону пачку. Тот взял сигарету.

– Прикурить дай.

Амбал щелкнул зажигалкой.

Денис поймал себя на мысли, будто ждет анекдотического развития событий. Ворон не курил, по крайней мере при нем. Казалось, он закашляется после первой же затяжки.

Малолетки молчали и как-то растерянно смотрели по сторонам. Ворон медленно курил и наблюдал за ними, переводя взгляд с одного на другого.

«Надо же, пока никого не нужно разнимать или спасать», – подумал Денис, сдерживая нервный смех.

– Пацаны, а вы вообще откуда? – поинтересовался Ворон. Девицу признавать представительницей иного с «пацанами» пола он явно отказывался.

Они нестройно пробормотали про соседний двор и обмолвились про ожидание своих друзей, которые непременно, прямо вот-вот сейчас должны появиться. Денису окончательно стало смешно. «Реальные гопники» мгновенно превратились в зашуганных мальчиков, вчерашних школьников, у которых старшеклассники отбирали мелочь на завтраки.

– Ладно, по фиг мне, не моросите тут, – презрительно заявил им Ворон, отщелкнув сигарету на асфальтированную площадку перед подъездом.

Они расступились, сталкер открыл дверь магнитным ключом и зашел в подъезд. Денис, переведя дух и наконец не скрывая улыбки, поспешил следом. Когда дверь за ним закрылась, он услышал, как амбал тихо сказал:

– Гопота, мать их...

Ворон фыркнул.

– А ключ откуда? – поинтересовался Денис, пока поднимались на третий этаж. В подъезде оказалось много уютнее, чем снаружи. Здесь отсутствовали граффити, почтовые ящики оказались новыми и чистыми, а на подоконниках расставлены папоротники и кактусы, а также пепельницы.

– Универсальный чип, – ответил Ворон, пожал плечами и скривился. – Все же правильно я не курю: гадость порядочная, во рту – будто кошки наблевали. А что особенно обидно, никакого отравления никотином, легкого опьянения и наркотического эффекта. Туфта и идиотизм.

– Твои бы проблемы да тем, кто бросает, – усмехнулся Денис. – А здесь неожиданно уютно.

– Подтверждается теория разбитых окон.

– В смысле?

– Согласно данной теории, если кто-то разбил стекло в доме и никто не вставил новое, то вскоре ни одного целого окна в этом доме не останется, – пояснил Ворон. – Иными словами, явные признаки беспорядка и несоблюдения людьми принятых норм поведения провоцируют окружающих тоже забыть о правилах. В результате возникающей цепной реакции «приличный» городской район может быстро превратиться в клоаку, где людям страшно выходить на улицу. То же касается и дворов, домов, подъездов и прочего. Сентенция о том, что беспорядок распространяется как эпидемия, была сформулирована в Америке еще в восьмидесятых. Здесь всего лишь применили ее на практике. Начали с закрашивания граффити и уборки мусора.

Выдра открыл дверь, не дожидаясь, пока они дойдут до площадки и позвонят. Пожалуй, встретить Денис его на улице, точно не узнал бы. Не походил представший перед ними человек на серого кардинала, бухгалтера, юриста и правую руку «реального пацана» Стафа, да и на иностранного бизнесмена, играющего в теннис с самим Олегом Дмитриевым, – тоже.

Очков не было, как и светлых волос. Перед Денисом стоял и улыбался мужчина лет сорока: темноволосый, подтянутый, с легкой небритостью на щеках, наверняка тщательно подстригаемой. В серой безрукавке с синей надписью «Девиант-стайл» на левой стороне груди и черных джинсах, закатанных до колен, босой.

– Сколько лет... – произнес он, протягивая Ворону руку. Улыбка вышла кривой, от прищуренных глаз брызнули в стороны лучики смешливых морщинок. – Игорь.

Ворон крепко пожал протянутую ему ладонь и кивнул.

– И тебе привет, Лео.

Денис вздрогнул. Он понял, что впервые услышал имя человека, с которым был знаком с самой юности (настоящее ли? скорее всего да). Почему-то до этого момента сталкерской клички ему было вполне достаточно. Возможно, он и видел фамилию и имя-отчество на документах в клане, но никогда не ассоциировал их с Выдрой. Теперь же ему стало не то чтобы обидно, но странно и совсем немного стыдно.

Выдра посторонился, позволяя Ворону войти. Денис тоже протянул руку, чувствуя себя не в своей тарелке. Тот не только ответил на рукопожатие, но и приобнял его за плечи.

– Леонид... на всякий случай: Леонид Коваль, – представился он. – Мало ли кто упомянет, а ты не поймешь, о ком речь.

Денис кивнул. Учитывая возрождение «Доверия» и твердое намерение Ворона и его втянуть в него, такие вещи, как настоящее имя лидера, знать стоило.

В квартире оказалось довольно светло и уютно, несмотря на то, что она явно совмещала в себе функции не только жилища, но и офиса. Стандартная трехкомнатная линейка с длинным узким коридором, вдоль глухой стены которого шел стеллаж, заполненный книгами. Более чем скромная по размерам кухонька напоминала бар. Электрическая плита и холодильник здесь, конечно, присутствовали, но первая содержала всего две конфорки, а последний по высоте достигал груди и использовался как столик, посудомоечная машинка – тоже. Зато угловые шкафы здесь стояли роскошные в прямом смысле слова: под потолок, белые с позолотой и зеркальными витринами. Привычный обеденный стол отсутствовал, его место занимала барная стойка с высокими вертящимися стульями в количестве четырех штук.

Следующая, самая маленькая комната была закрыта. Скорее всего Выдра приспособил ее под спальню. Среднюю – под переговорную. В ней стоял длинный стеклянный стол с шестнадцатью офисными креслами.

– Мы кого-то еще ждем? – поинтересовался Денис, проходя мимо.

– Плэннинг фо зе фьюче, – явно дурачась, с жутким акцентом ответил Выдра. – Не тревожься, малыш.

Денис повел плечом, беспокоиться он и не думал.

Зато самая большая комната оказалась обыкновенной. Самое первое, что бросалось в глаза, – в ней жили. Не принимали гостей, не выставляли напоказ обстановку, не прятали для себя, а просто использовали в качестве каждодневного обиталища.

Возле выхода на балкон, спинкой к окну стоял серый кожаный диван. Рядом с ним у соседней стены – брат-близнец, но темно-коричневый. Угол оккупировал угловой столик, на котором в вазе из цветного стекла в виде неправильно нагроможденных друг на друга синих и желтых кубиков находилось павлинье перо. Остальное место до дверного проема занимало фортепьяно – белоснежное, воздушное, со вставками из цветного стекла и кажущееся Денису чем-то не принадлежащим не только этой комнате, но и вообще миру. В оставшемся углу располагался низкий журнальный столик с чем-то полуразобраным, что язык не поворачивался назвать компьютером. Зато он явно работал, о чем свидетельствовала плазменная панель на стене, показывающая рабочий стол, фоном которого служил снимок из недавно увиденного Денисом авиа-шоу. Два самолета неслись к земле, а за ними закручивалась белая спираль ДНК.

Здесь могло показаться пусто, но в центре комнаты Выдра поставил несколько кадров с самыми настоящими деревьями. Денис опознал только лимон и мандарин, и то лишь по плодам, висящим на них.

– Располагайтесь, гости дорогие. Мой дом – ваш дом, – провозгласил Выдра.

– Замечу, не я это предложил. – Ворон опустился на ковер у кадки с лимонным деревцем, прихватив по пути длинный стеклянный фужер с темно-бордовым напитком и хозяйский ноутбук.

Выдра фыркнул.

– Я знаю. Ты не против, – ответил Ворон, не отрываясь от экрана. – К слову, неплохо выглядит.

– Я надеюсь, ты там не папку с порнухой нарыл?

– Фи, – скривился Ворон, – чего я там не видел? Здесь кое-что поинтереснее.

Денис подошел к нему, присел на корточки, бросил взгляд на экран...

– Ох... – Он лишь покачал головой. Запущенное Вороном видео показывало триумфальный выход из Зоны его группы с конвоируемыми вольными сталкерами.

«Кто в Зону неподготовленный суется – тот в одних трусах и остается!» – выплыла на экран надпись, выполненная прыгающими разноцветными буквами.

– Но откуда?! – спросил Денис.

Выдра подарил ему многозначительную улыбку.

– Вообще-то видеосъемка в Периметре строго запрещается, – напомнил Ворон.

– Если совсем не хочешь нарушать закон, сиди дома и читай книжки, – отмахнулся Выдра.

– Кто бы говорил, законник. – Ворон шутил, но в интонациях промелькнула угроза. – Жить, соблюдая закон, несомненно, невыносимо скучно, но в тюрьме будет еще скучнее, – заметил он. – Дэн, конечно, якобы ни при чем, но я не хотел бы, чтобы к нему прикапывались даже формально.

Выдра скрестил руки на груди.

– Не волнуйся ты так о своем найденыше. Видео велось со стороны КПП, и ежу ясно, что сталкер не при делах. Ты лучше слоган оцени.

– Я уже. – Ворон довольно сощурился. – Неплохо разбавит пафосно-героическую лабуду на «Рутубе».

– По кабельному тоже покрутим, а новости с федеральных каналов сами тиснут, когда число просмотров за миллион перевалит.

– А оно перевалит? – Денис удивленно глянул на Выдру.

– Непременно, – ответил за того Ворон. – Рунет наводнен Зоной, и в основном именно рекламой турфирм, частными видео счастливчиков с сафари, которых по понятным причинам

не привлекают к ответственности, и прочими проявлениями сверхъестественного. Наш ролик будут смотреть хотя бы из интереса, а потом и комментарии посыплются.

– Реакция в данном случае – самое вкусное, – хищно улыбнулся Выдра, мгновенно напомнив Денису себя прежнего, времен первого «Доверия».

– Давно не развлекался сетевым троллингом, – мечтательно проговорил Ворон. – Возможно, скандал и не полыхнет на весь Интернет, но русский сектор затронет непременно.

– Но зачем?! – Денис забрал у него фужер и отпил. Происходящее хотелось запить, уж больно сильно оказалось впечатление, будто разговор велся на незнакомом ему языке.

– Ответ на этот вопрос выводит нас на политику клана, – сказал Выдра и на несколько секунд скрылся в коридоре. Обратно он вернулся, держа в руке бутылку темного стекла с явно не заводской этикеткой и двумя такими же, как у Ворона, фужерами. – Если бардак не удастся пресечь, его нужно возглавить.

– Именно, – приподнял собственный фужер Ворон. – Буквально любой, кто желает навариться на «зачумленной» Москве, взял риторику пройдох с того края земного шарика, вот уже больше века организующих сафари в Африке и экстремальные экскурсии в джунгли. Они хором утверждают: «Хотите почувствовать себя героями – айда к нам! У нас опытные инструкторы, с вами априори не случится ничего плохого, но хвастать перед друзьями вы потом сможете до окончания ваших дней».

– Мы будем говорить совсем иное, – заверил Выдра, – о мерзости, ужасе, страхе, возможности погибнуть. Станем публиковать материалы разной рейтинговой составляющей, уж точно не для семейного просмотра.

– Повышать ликбез среди населения, – вставил Ворон.

– А клан не вылетит в трубу с такой политикой? – спросил Денис.

– У клана имеется лидер, слишком хорошо знающий законы аэродинамики, чтобы допустить подобное, – отшутился Выдра, глянул на Ворона и прибавил: – Даже два. Поверь мне, Дэн, от желающих отбоя не будет. Причем пойдут к нам не клерки с кризисом среднего возраста, а люди хотя бы немного подготовленные.

Денис повел плечом. Наверное, этим двоим было виднее.

– Даже не сомневайся, – сказал Ворон и подмигнул, соприкоснувшись своим фужером с его. Раздался мелодичный звон.

– И чтобы уж два раза не ходить и пока вы еще не перепились... – Выдра снова вышел, а вернувшись, устроился на ковре напротив, сложив ноги по-турецки, и протянул увесистую кипу бумаг. – Читать не заставляю, но не против повышения юридических знаний отдельно взятых представителей сталкерского сообщества, – заявил, сохраняя на лице серьезность.

Ворон с не менее непроницаемым лицом витиевато и длинно выругался.

– Просто подпиши, – рассмеялся Выдра. – И ты тоже, Дэн.

Глава 7

– Игра... – протянул собеседник и приподнял маленькую чашечку с кофе. В широкой ладони и толстых пальцах та казалась крохотной. Выгнутую золотую ручку ему пришлось держать указательным и большим пальцами, а остальные – отставлять в сторону. Выходила этакая пародия на аристократически отогнутый мизинчик.

Ворон улыбнулся, наблюдая. Сам он пил безалкогольный мохито, и узкий длинный хайбол, в котором тот подавали, не превращал его во всеобщее посмешище.

Собеседник был высок, плечист и представительен, одет с иголки, аккуратно подстрижен – этакий образчик джентльмена. Однако стоящая рядом тарелка, более походящая на блюдце, да «золотой наперсток» с кофе превращали его в гостя кукольного домика.

Клуб, в который согласился ввести Ворона кузен Нечаева, считался настолько же закрытым, сколь и пафосным. Располагался он в центре Серпухова, со времен исчезновения Москвы борющегося за именование центром Московской области. Конкуренцию ему составляли разве только Чехов, Дубна и Коломна.

Ворон был привычен к несколько другим заведениям. Завсегдатаев же, с виду людей весьма небедных, почему-то устраивало прибежище, расположенное в полуподвальном помещении обычного жилого дома на улице Ворошилова. Видимо, им нравилось ощущать себя то ли заговорщиками, то ли революционерами. Дизайн, выполненный в черных, белых и бордовых оттенках, тому лишь способствовал.

Сам Ворон никогда не пришел бы сюда по доброй воле. Обстановка заведения с порога родила у него устойчивую ассоциацию с клубом самоубийц, которая лишь подтверждалась мелочами. Чего стоил хотя бы портье в пенсне или администратор в розовом боа.

Вдобавок ко всему кухня здесь оказалась модной – молекулярной. Порции соответственно не просто мизерными, а... как их охарактеризовал собеседник – «молекусенькими» (то есть молекулой на один укус). Собственно, потому Ворон и предпочитал лишь пить, хотя напитки тоже стоили раз в пять дороже, чем в «общепите для всех».

Общепит притягивал все сильнее, и не только ценами. Ворон не считал себя мелочным. Он любил красивые вещи и не жалел платить достойную цену. Он мог купить коллекционное вино, например, но не чувствовал себя готовым отдавать чуть ли не полсотни отнюдь не рублей за откровенную хрень со вкусом лимона и красной рыбы. Почему-то хрень вдобавок выглядела как икра заморская баклажанная в известном фильме, давно и прочно являвшемся классикой отечественного кино двадцатого века.

Вот только чего не сделаешь ради информации? Именно в данном заведении к Арлену Знаменскому подсел некто, предложивший «развлечение, от которого невозможно отказаться». И Арлен действительно послать его не смог, несмотря на всю свою ненависть к Зоне в целом и всем, кто имел с ней дело в частности. В результате он исчез почти на полгода. Впрочем, не он один.

На предложенную игру соглашались и многие другие пациенты Генриха Альбертовича. Все они хотя бы единожды появлялись в данном клубе, и по крайней мере пятеро из них, достаточно уже оправившиеся и пришедшие в себя, упоминали о Москве.

– Я внимательно слушаю вас, Петр, – напомнил о себе Ворон.

Собеседник явно завис, погрузившись в свои воспоминания и вновь переживая отголоски далеких эмоций, которые наверняка испытал.

– Невозможно объяснить. Игра – это воплощенная мечта, причем человек, в нее попавший, осознает подобное лишь постфактум.

– Вот как?

Собеседник небрежным жестом обвел рукой зал.

– Как думаете, почему здесь столь людно?

Ворон пожал плечами.

– Не имею ни малейшего понятия.

– Не из-за этой же новомодной дряни? – Петр в два глотка осушил свой «золотой наперсток» и отставил на стол. – Или, быть может, вы сочли всех, здесь присутствующих, такими нуворишами без малиновых пиджаков, мнящими себя новой аристократией, элитой... тьфу... короче, придурками последними?

Ворон фыркнул.

– Давайте начнем с того, что я впервые в данном заведении и пока действительно ничего не думаю, – проронил он. – Разве лишь чучелки мне не по сердцу.

Собеседник скосил взгляд.

Жертвы таксидермиста здесь присутствовали в избытке. Кроме них, в углах стояли скульптуры, в которых наверняка любой из здесь сидящих опознал бы зоновых мутантов и лишь Ворон – полное незнание ваятелем матчасти. Например, у настоящих гиен хоть и имелась грива, но явно не похожая на лошадиную, а у сердяков рожки хоть и были закрученные, как у баранов, но не один в один же, как у них.

– Я тоже не одобряю заигрываний с Зоной, – закивал собеседник.

– А я не про альтернативное представление созданий аномалии, – сказал Ворон. – Я терпеть не могу уродства. Птицы должны летать, – и указал на потолок, под которым висели чучела соколов с распростертыми крыльями. – К тому же я не являюсь поклонником трупов.

– Что? И в музей восковых фигур в детстве не заходили? – усмехнулся собеседник.

– Не любить не значит не интересоваться или не знать.

– Ну-ну, – собеседник усмехнулся и покачал головой, – уверен, когда вы вернетесь сюда, к вам обязательно подсядет Мастер.

– А поподробнее?..

– Тот, кто предлагает игру, – пояснил собеседник. – Ведь все, кого вы видите, на самом деле приходят сюда в надежде на повторение.

– Неужели некоторым дважды предлагали поучаствовать? – удивился Ворон. – Я думал, это разовое приключение.

– Везет лишь счастливым. Как я предполагаю – тем, кто либо действовал нестандартно, либо сотворил нечто, удивившее Мастера.

Ворон промолчал, хотя от него наверняка ожидали вопросов.

– У меня серьезный бизнес, Игорь, – сказал собеседник. – Может, я и не вхожу в золотую десятку миллиардеров, но считаю себя человеком обеспеченным. Сеть заправок станций – это немалый доход и ответственность, а кроме того, предусматривает работу, а не беззаботную жизнь рантье.

– О... – задумчиво протянул Ворон. – Вот сейчас вы меня несколько обидели.

– Вы не являетесь прожигателем жизни, – уверенно проговорил собеседник, – хотя и пытаетесь им выглядеть.

Ворон с трудом сдержался, когда его руку припечатала к столу широкая ладонь собеседника. Вырваться захотелось нестерпимо, однако именно этого от него ждали, а потому и делать не стоило.

– Мне захлопать ресницами и улыбнуться? – поинтересовался он.

– И намеки вам тоже удаются неплохо, – заметил собеседник. – Не только огнестрел, ведь так? И явно не просто нож.

– Решили, будто поймали киллера? – усмехнулся Ворон. – Или агента ФСБ?

– Для двуручника вы мелковаты. Скорее бастард.

– Шпага. Терпеть не могу плохо сбалансированные железки. Я занимался в детстве, но вряд ли это имеет отношение к временам нынешним.

– Не историческое фехтование, не имитация боя. Движения слишком характерны для того, чье тело – оружие. Да только любое оружие с течением времени... – проигнорировав его замечание, сказал собеседник и прищурился. – Значит, «витринка». Вы не киллер и не фээсбэшник, даже не шпион. Из этих... ходячих по Зоне. Темный сталкер заинтересовался происходящим в нашем клубе?

Руку Ворон все же вырвал.

– Вы спутали Зону. Темные сталкеры бродили в Чернобыле, более того, все они мертвы, и порядком давно.

– Но кто-то обязательно остался, ведь так?

– Нет, – ответил Ворон уверенно. – Вы ошиблись в мелочи и сделали неверный вывод.

– Правительство узнало о нас и решило прикрыть лавочку?

– Снова нет, – сказал Ворон. – Меня интересует, имеет ли отношение к игре один конкретный человек. Лишь это, могу поклясться, если хотите.

– Оставь, – махнул рукой собеседник. – И не обижайся. Просто я предпочитаю хотя бы отчасти знать, с кем имею дело.

– А не с Мастером ли в таком случае говорю я?

На несколько мгновений над их столиком повисла тишина, разбившаяся вдребезги, когда собеседник произнес:

– Вряд ли.

Ворон поморщился. Похоже, он зря терял время.

– Мастер появится только в том случае, если он в вас заинтересован, – прищурился собеседник. – А вы точно птица столь высокого полета, чтобы вами интересовались, рантье-киллер-сталкер Игорь? Уверены? – Его глаза смеялись, губы тоже растянулись в довольно приятной улыбке. – Должен признать, заинтриговать вы умеете.

– Птица? – Ворон наклонил голову к плечу. – Пожалуй, это предположение прям в яблочко.

– Нас представил Арлен, – напомнил собеседник. – И если я Мастер, то...

– Он в доле, – договорил за него Ворон.

– Вот-вот, – пожал плечами собеседник. – Знаете, я не удивлюсь, если это так. Наш сорви-голова сам на себя не похож. Я не столько поначалу удивился его скоропостижному исчезновению на четыре месяца – бывает, знаете ли, игра затягивается, – сколько его сосредоточенно-задумчивой физиономии.

– Кто его знает...

– Предложи кто-нибудь гонку по ночной трассе до Чехова на автокарах, Арлен вызовется; реши рискнуть здоровьем в подпольном борделе или сделать пару ставок на боях без правил – будет в числе первых. А сейчас... ты погляди, просто степенный отец семейства, – хмыкнул собеседник. – Впрочем... игра – она такая. Душу вынимает. Я сам несколько месяцев как чумной ходил, если бы не партнер по бизнесу, прогорел бы точно, а то и монахом куда уехал – на Валаам или Хамбын Хурэ.

– То есть вера как таковая вас не волнует?

– Скорее побоку на все эти течения. Вера – состояние души, как ни называйся, кому ни молишься. Хоть христианин, хоть мусульманин, хоть язычник или даже сатанист – все одинаковы, просто объект поклонения назвали по-своему и доводят себя до просветления разными способами, – отмахнулся собеседник. – В Шаолинь я бы подался хоть сейчас, но кто ж возьмет? Да и в себя я пришел уже изрядно. У меня нынче иная задача: пятерым отпрыскам образование обеспечить, а потом хоть в астрале растворяйся.

– Нирване, – поправил Ворон. – По астралу бродят.

– Так ты еще и мистик!

– Лишь отчасти, – хмыкнул Ворон. – Но вот в монахи не пойду, предпочитаю грешить и получать удовольствие от процесса.

– Мастер у каждого свой, – резко переменял тему собеседник. – Меня вот степенная дама привечала. Арлена – деваха с зеленым ирокезом на голове, он таких любит. Виктора вообще клерк какой-то. И зря ты думаешь, будто они всех под одну гребенку. Вовсе нет, в том и суть. И приключение у каждого свое, да такое, что и не думал, будто такое возможно.

– Очутились в Камбодже без денег и документов?

Собеседник покачал головой.

– Поверь, если кому-либо и устроили подобное приключение, то оно не ограничилось бы попыткой добраться до посольства. Если ты становишься героем игры, то главным, а значит, обязательно появятся террористы, секретные документы, а в конце ты спасешь принцессу и убьешь главу наркомафии.

– Какой бред... – Ворон прикрыл глаза рукой.

– Но многие жаждут подобного, – развел руками собеседник. – Самая суть игры в преодолении собственных комплексов: понимании, будто все возможно, даже голливудский сценарий собственной жизни.

– Прогендерные мифы любят все... – задумчиво проговорил Ворон.

– Вы интригуете все сильнее, Игорь, – внезапно перейдя на «вы», заметил собеседник. Он постоянно чередовал обращения «вы» – «ты». Это раздражало. Ворона, предпочитавшего «выкать», – особенно. – Только не говори, будто ты еще и психолог.

– Вовсе нет. Так... нахватался по верхам. Вся информация отыщется в Сети при определенной настойчивости и желании анализировать. Мальчики падки на легенду про убийство дракона. Девочки – на сказку о красавице и чудовище. Самое забавное начинается, если мешать одно с другим, но не взбалтывать...

Заливистый смех, прозвучавший с той стороны стола, заставил Ворона удивиться. От собеседника он не ожидал подобной реакции.

– Знаешь, Игорь, пожалуй, пора заканчивать, – начал тот. Похоже, настроение у него резко изменилось. Либо же он очень искусно играл. Ворон уже понял, что с этим странным Петром, которого он почему-то не мог называть мысленно по имени, все очень непросто. – Ох, да не морщись ты так. Ненавижу выканий. Я с удовольствием выпью с тобой на брудершafft, раз ты такой приверженец официоза.

– Когда не буду за рулем.

– Фи... тоже мне герцог по крови. Не похож ты на пай-мальчика.

На подобное замечание впору было обидеться, но Ворон предпочел «укусить» в ответ.

– Водительскими правами обеспечена большая часть людей, но водят они как последние животные, – заметил он. – Так вот я не хочу им уподобляться.

– Ладно-ладно. – Собеседник поднял руки на уровень груди и показал ему ладони. – Понял, что на слабо тебя не взять.

– Возникновение одного лишь желания взять меня на слабо говорит о неуважении.

– Ну, прости, не смог удержаться, – рассмеялся собеседник. – Испытание действительно разное у всех. Я могу рассказать лишь о том, что случилось со мной, если тебе интересно.

Ворон кивнул:

– Более чем.

– Только не перебраться ли нам туда, где хотя бы пожрать дают, – произнес собеседник.

– Алеманский дворик? – предложил Ворон. – Я видел неподалеку кабачок, обещающий немецкую кухню.

– Значит, туда и направимся.

* * *

Первым, что встречало посетителей, стоило открыть дверь, оказалась огромная бычья голова над барной стойкой. Собеседник коротко хохотнул. Ворон тихо выругался. Голова, впрочем, была вырезана из добротного куска дерева, а рога выполнены из зеленого камня, имитирующего то ли мрамор, то ли малахит (издали и не определишь). Подошедшая же в следующий момент администратор в национальном баварском костюме окончательно скрасила неприятное впечатление, порожденное ассоциацией с «клубом самоубийц».

Девушка оказалась прехорошенькой блондиночкой с широко распахнутыми серыми глазами, белозубой улыбкой и вырезом, который мог быть и поскромнее. А после того, как она заговорила низким грудным голосом, развернуться и уйти стало невозможно, даже если бы дизайном заведения занимался все тот же чучельник.

– Приятное разнообразие, – заметил собеседник, разглядывая самое настоящее седло, висящее в нише, и подкову, выгравированную в середине столика, к которому подвела их администратор. Ворон не слишком удачно замаскировал смех кашлем.

Меню приятно удивляло. Не раздутый талмуд, а всего лишь лист обещал отсутствие такой гадости, как огромный стоп-лист, и намекал на качество и свежесть подаваемых блюд.

Пока готовились свиные ребра, они цедили безалкогольное пиво, и хоть собеседник и решил взять его лишь из чувства солидарности и старательно морщил нос, однако признал, что оно весьма неплохое. На брудершафт в правильном понимании традиции они не пили – просто соприкоснулись кружками.

– Я тебя потом поцелую, – пообещал собеседник. – Если захочешь.

Ворон рассмеялся.

– Итак, мое приключение... – Собеседник проводил мечтательной улыбкой молоденькую официантку в пышной ярко-красной юбке выше середины бедра и в столь узком жилете, что дух перехватывало. Девушка, уловив взгляд, покраснела, а затем очень быстро принесла заказанные блюда.

Разговор прервался по естественной причине. Ребрышки оказались превосходны, как и фирменный соус, поданный к ним.

– Кем ты мечтал стать в детстве, Игорь? – внезапно спросил собеседник.

– Конечно, космонавтом.

Собеседник рассмеялся.

– Я из того поколения, которое не мечтало стать биржевыми воротилами, валютными проститутками или биллами гейтсами, – усмехнулся Ворон. – Впрочем, возможно, год рождения и не главное.

– А по тебе и не скажешь...

– Даже не знаю, реагировать на подобные слова как на комплимент или завуалированное оскорбление.

– Как на самокритику, – серьезно ответил собеседник. – Я тоже мечтал о далеких мирах, только забыл об этом. Напрочь. Впрочем, мне напомнили.

– Запустили в космос? – с сарказмом поинтересовался Ворон. Он ждал рассказа о Зоне, а получил нечто совершенно иное.

– Вообще-то космический туризм не за горами. Я сейчас говорю о поездке на орбиту. Обещают запустить к пятидесятому году несколько программ.

Ворон прикусил губу и поморщился:

– Не то...

– Зато полезно в качестве пополнения знаний и... ответственности. Знаешь, я до игры и не думал, будто Земля такая крохотная, красивая и беззащитная. Сразу после хотел бизнес

свернуть на фиг. Да только подумал: ну, продам я заправки, так неизвестно, в чьи руки попадут: изгаздают, извратят, уничтожат. Свиней ведь в людском обличье много. А у меня хотя бы топливо после очистки, да и цветники. Туалеты блестят... – Он допил свое пиво, поднял руку и заказал у моментально подлетевшей к столику официантки коньяк. – А ты, значит, не станешь?

Ворон отрицательно покачал головой.

– Зря...

– И как там... в космосе?

– Странно. Слышал я про синдром невозвращения, да только не понимал. Ну, действительно, как же это: ни людей, ни родных, ни близких не видеть, а только в темноту, расчерченную искрами, плясать да на облака газа, подсвеченные так, как ни одной радуге не снилось. Космос ведь не черный. Врут все те, кто фантастические фильмы снимает. То ли по незнанию, то ли специально: бояться, будто яркие краски серьезность убьют. В детективах всяких так же: цвет крови приглушают – бояться, зритель не поверит. А космос все же не черный.

– Знаю...

– Все-то ты, барин, знаешь, везде-то побывал, – усмехнулся собеседник. – Но только прав ты: запуск на орбиту – слишком. Даже для них.

– Я, замечу, ничего не говорил, – сказал Ворон и предположил: – Отдельный павильон. Куча компьютерных технологий.

– Невесомость, легкое наркотическое опьянение, приподнятое настроение.

– Как от «мультика».

– Не знаю. Однако в происходящее я верил.

Ворон кивнул.

Размах большой, но каков смысл? Он слушал, верил, будто человек, назвавшийся Петром, не лжет. Однако это не мешало задаваться вопросом целесообразности. Затеять подобное ради сомнительного удовольствия посадить очередной денежный мешок на регулярное посещение «Клуба самоубийц»? Даже при вероятности того, что клиент отобьет потраченные на него деньги, заказывая молекулярную хрень, – бессмысленно.

– Аренда павильона, оборудование, актеры, предположительное использование артефактов... – принялся перечислять он.

– И все ради одного меня, – хмыкнул собеседник. – Заметь, я не доплатил ни копейки. Нонсенс. Наверное, потому я и хожу в клуб. Можешь звать подобное благодарностью.

Ворон кивнул.

– То есть они устроили похищение инопланетянами?

– Вроде того. Со всеми спецэффектами, какие только возможны. Впрочем, спецэффекты – ерунда. – Он махнул рукой. – Ценнее всех красот в том приключении были родные и близкие психологические качели: верю – не верю. Все же у людей обалденно зашоренное сознание. Чуть что не по шаблону, и...

– Все, нас окружающее, – комбинация продольных и поперечных волн. Мозг лишь достраивает: объекты и чувства. Стоит понять это, и шаблоны кажутся невозможной глупостью, как и само понятие смерти или старости. – Ворон вздохнул и помассировал виски. – Кажется, я понял, чего добивались от вас.

– Если сказать общедоступным языком: вы у меня в голове? – проигнорировав последнюю фразу, спросил собеседник.

– Да, именно. Как и вы – в моей.

– И тогда выходит полная шизофрения сознания.

– Что в свою очередь доказывает известное изречение о материальности мыслей и подтверждает правильность беллетристики, берущейся научить человека самостоятельно выстра-

ивать собственное будущее. Однако... – Ворон немного помолчал. – Я не думаю, будто жизнь на самом деле настолько проста, насколько видится в данной теории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.